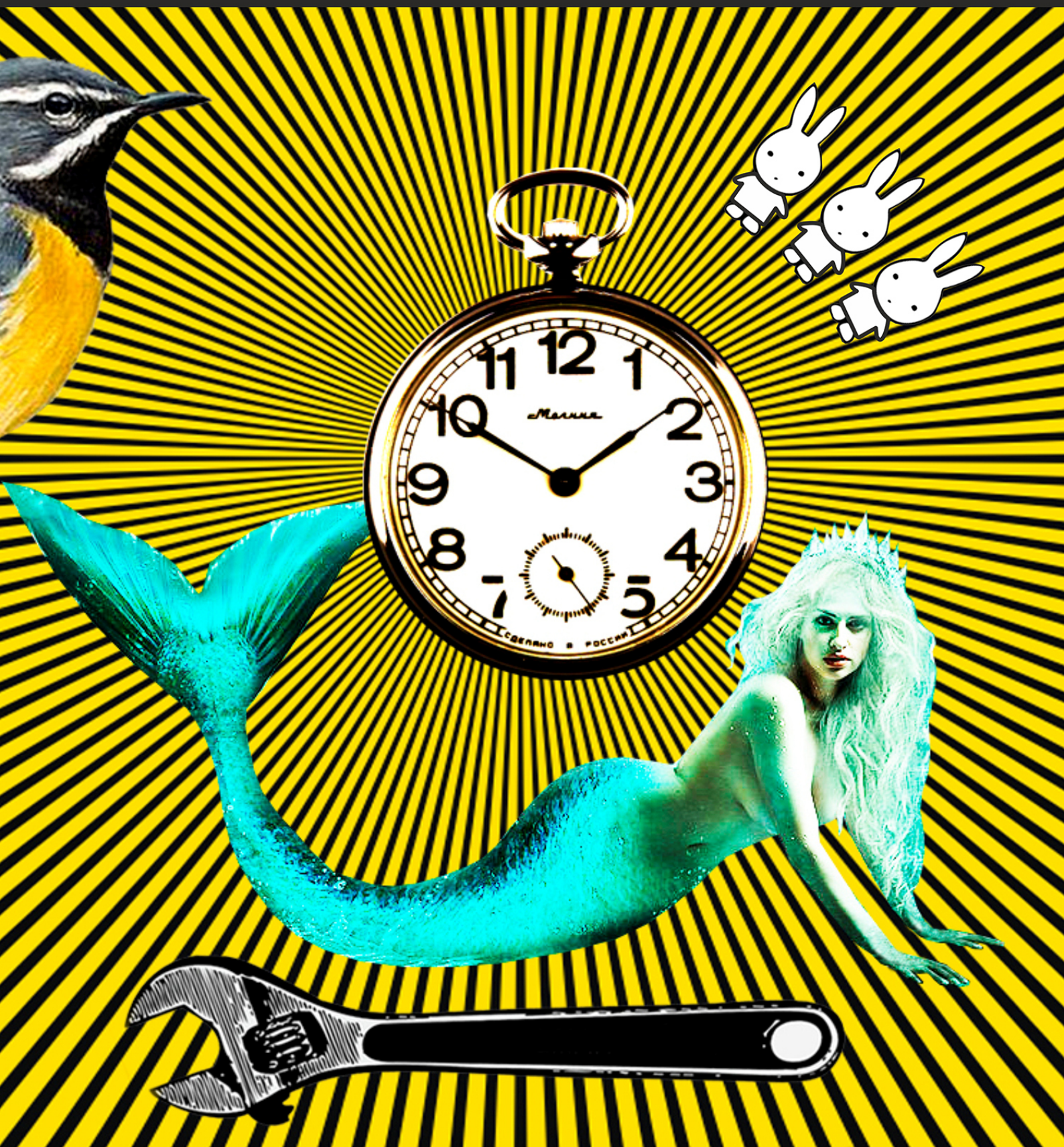

ДМИТРИЙ АНАШКИН

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

СБОРНИК

Дмитрий Анашкин

**Сборник фантастических
рассказов**

«Автор»

2017

Анашкин Д. В.

Сборник фантастических рассказов / Д. В. Анашкин — «Автор»,
2017

... Степан - музыкант, живущий в заброшенной мансарде на Пушкинской улице - отправился на свидание.... Что же произошло с ним по дороге? Почему девушка, идущая рядом с ним, одета в серебряный комбинезон космонавта с красной надписью «СССР»? Как случилось, что мир стал рисованным мультфильмом, а его спутница превратилась в Чебурашку, тонким голосом рассказывающего ему про Фен Шуй?.. ... Русалка, полюбившая Слесаря. Что может быть прекрасней? О том, как слесарь Гера жил на живой барже и разговаривал с предметами; как рассорились Ручка для слива воды и Бачок унитаза, и о том, чем так страшна коварная Швабра. Как Гера жил с Русалкой... Об их счастье, и о том, как однажды Гера захотел вернуться в свой мир..... Одноклассники... кто из них окажется роботом Андроидом, вселившимся в человеческое тело? Почему инопланетяне преследуют его и ради его поимки готовы пойти, кажется, на все? Как удалось обнаружить преступника и тем самым спасти мир – об этом и еще о многом читайте в книге Дмитрия Анашкина «Сборник фантастических рассказов».

© Анашкин Д. В., 2017

© Автор, 2017

УСКОРИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Писатель Федоров оторвался от экрана портативного компьютера и оглянулся – был час пик. Он сидел в своем автомобиле, изредка продвигался вперед и скучал. Такое происходило каждый день: улица Миллионная от Садовой до Фонтанки в это время была забита всегда. Но если бы кто-то спросил его – почему он, зная о пробке, не выходит из офиса на час раньше, он даже не понял бы вопроса. Для него было очевидно, что по-другому он просто не может. Мысль о том, что он сядет в машину и, не попадая ни в какие пробки, быстро доберется домой, была для него непереносима.

Он понимал, что это ненормально, и пытался искать причину. Одна из версий (Федоров был склонен к мистификации реальности) заключалась в том, что в него вмонтирован инопланетный чип. Который и управляет им вместо сознания; он даже предполагал, что Центр, из которого посылаются команды, находится на другой планете а, возможно, что и в другой Галактике. После некоторых поисков и размышлений Федоров даже нашел подозрительное утолщение у себя на носу: одна ноздря казалась тверже другой. Видимо там и находилось загадочное устройство. Однако врач, к которому Федоров обратился за направлением, чтобы сделать рентген и обнаружить, наконец, ненавистный чип, сказал, что "это ничего" и что "это бывает". Что налицо просто легкая «асимметрия в строении носа», и большинство людей страдает тем же...

Немного подумав, Федоров решил не терять время даром. Он достал из кармана только что купленный карманный компьютер и начал писать.

"Какая-то женщина лет сорока, слегка сутулясь и ёжась, словно ей было холодно, несмотря на пуховик и теплую погоду, шла по мосту через Фонтанку. Все выглядело вполне обычно. Если бы не одна странная деталь: с одной стороны моста река была замерзшей, без каких-либо признаков оттепели и выглядела вполне по-зимнему. С другой же снега не было совсем. Там обнаружилось полное, совершеннейшее лето! Чайки плескались в воде, на берегу зеленела травка, и даже люди были одеты по-летнему!

Женщину, однако, подобное нисколько не удивляло, она продолжая поеживаться – со стороны зимы, кажется, и вправду дул ветер. Она уже почти совсем перешла мост, и тут случилось неожиданное..."

Здесь Федоров услышал звук сигнала. Он оторвался от экрана компьютера и с некоторым удивлением оглянулся по сторонам: обычная «получасовая» пробка начала медленно продвигаться. Он проехал несколько метров вперед и, уже стараясь боковым зрением отслеживать возможное движение, продолжил:

"... Мост исчез. Исчезла и женщина в пуховике, еще недавно по нему шедшая, зябко пожимавшая плечами под пронизывающим ветром. Пропал и ветер. Казалось, не стало самого воздуха, который, перемещаясь, создавал ветер... Теперь попросту нечему было двигаться – пустота заполнила собой все пространство..." Здесь Федоров задумался. Ему показалось что он не совсем понимает, о чем писать дальше: ситуация становилась тупиковой. *" Не было ничего. Зима и лето тоже пропали..."* – вернулся было Федоров к тексту, но вдруг, мельком взглянув на дорогу, с удивлением обнаружил что движение начало рассасываться. Он с недоумением отложил компьютер, не понимая, куда делись машины – все произошло как-то удивительно быстро – и нажал на газ. Джип послушно рыкнул и рванул вперед. "Интересно, – подумал Федоров, – я ведь всего минуту на дорогу не смотрел, совсем мало написал, а вот на тебе..." От этих мыслей его отвлекла смело маневрирующая маленькая зеленая машинка с женщиной за рулем. Несмотря на полное отсутствие солнца, женщину украшали большие черные очки. Машинка отважно высовывалась то справа, то слева от джипа Федорова и было непросто следить за ее непредвиденными манипуляциями. "Обогнать, наверное, хочет, – решил Федоров,

не совсем понимая цели такого маневра: прямо перед ним во всю ширину проезжей части тяжело двигался закопченный автобус с надписью "дети" на боку.

Рискованно прижавшись к бордюру, Федоров все-таки исхитрился пропустить «зеленую» вперед. Дама в очках немедленно закрыла окно – видимо, ей не понравилась оказавшаяся прямо перед носом и извергающая вулканическую сажу выхлопная труба автобуса. "Мда... – подумал Федоров. – Дизель, наверное". Автобус между тем встал окончательно. Дама нервно попыталась еще раз закрыть уже и без того закрытое окно. "Лучше б кондиционер отключила, он же всю сажу в салон всосет, так и задохнуться недолго" – подумал Федоров и взял в руку компьютер.

"«... – Стоп! Стоп! – Режиссер Аполлонов-Загрявский приподнялся со своего стула. – Лерочка, вы немного переигрываете. На улице по сценарию минус пять, а я, глядя на вас, подумал бы, что все десять. Чутьочку меньше ешьте. – Он обернулся к статистам, которые изображали гуляющих людей в летней части пейзажа.

– А вам, ребята, позжизнерадостнее надо. А то вы как-то вымученно улыбаетесь. – Те послушно заулыбались, для усиления жизнерадостности двигая бровями.

– Нет, нет ... не верю... вспомните хронику тридцатых годов – как там все было! – режиссер мечтательно воздел руки. – Парады, открытия спортивных мероприятий... Вы должны быть НЕПЕРЕНОСИМО, ТОТАЛЬНО счастливы! Ваши лица должна ИСКАЖАТЬ гримаса нечеловеческой радости! Это нужно обыграть, донести до зрителя... – он отвернулся.

– Так, Петрович, по декорациям сегодня ты?

– Да Викентий Григорьевич... – из-за кулис вышел мужик в спецовке.

– В общем, смотри, Петрович. С летней частью у тебя все неплохо; убедительно. Особенно когда на белых лебедях мешки черные падают, чтоб их в темноте "исчезнуть". А вот по зиме у меня ряд вопросов..."

"Что я пишу? – прошептал Федоров. – Какой Викентий Григорьевич? Откуда это? – он еще раз ошарашено посмотрел в компьютер. Сзади забибикали. Он сдвинулся и снова остановился.

"Когда у вас зимняя речка исчезает, то очень уж снег сильно осыпается. Опять же лед пенопластовый скрипит далеко не "мон плезир". Здесь надо другое решение инструментально применить, подумай, в общем. Все должно выглядеть так, словно ничего этого, нас окружающего, действительно НЕТ! Ни вас – он повернулся в сторону статистов. Ни Вас – глянул на главную героиню. Даже тебя, Петрович, ты уж прости, как бы нет... – с какой-то трепетно непередаваемой печалью в голосе закончил он, едва взглянув на Петровича... Все некоторое время помолчали, соглашаясь с тем, что если так получилось, что ничего нет, то так тому и быть: нет и не было..."

Тут Федоров перепугался. Дело в том, что последнее было уже не написанным, а тем, что он ПОДУМАЛ. И это непреодолимо захотелось перенести на бумагу, записать. Если честно, то раньше у Федорова никогда не было такого потока сознания. Страницы обычно давались ему медленно, с трудом. «Я пишу обдуманно и взвешенно», – так он обычно определял свою писательскую манеру. Теперь же с ним происходило что-то странное.

Он, наконец, вышел из ступора, оглянулся, и чуть было снова в него не впал. Пробки не было. Не было автобуса. Не было зеленого автомобильчика. Появляющиеся сзади редкие машины, решив, видимо, что джип сломался, осторожно объезжали его и спокойно удалялись.

«Чудно...» – подумал Федоров. У Некрасовского рынка он снова попал в затор. На этот раз все встало, кажется, из-за аварии. Дорога была совершенно запружена и не подавала никаких признаков движения. Федоров взялся за компьютер, он горел желанием узнать, как же все-таки продолжится его сочинение:

«После репетиции вся труппа во главе с Аполлоновым-Загривским отправилась отужинать сюда же, в театральный ресторан. Меню было славным, официантки прелестны. Каждый получил что хотел – одни много ели, другие много пили, третьи делали и то и другое, вместе взятое. Викентий же Григорьевич много говорил. Он никак не мог оставить тему своего спектакля; его терзали муки поиска смысла того, что они играют. Он все говорил и говорил, приводя бесконечные цитаты и постоянно возвращаясь к особенно волнующему: как им в своем спектакле НЕ БЫТЬ? Идея эта была заимствована у старика Шекспира. Правда, в рассуждениях Аполлонова-Загривского, как не поверни, получалось, что это Шекспир позаимствовал у него фразу «Быть или не быть – вот в чем вопрос», слегка адаптировав ее к своему времени и вложив в уста незадачливого Гамлета.

– А как, Викентий Григорьевич, Шекспир-то у Вас эту фразу слямзил? – пытался вникнуть Петрович, закусывая очередные пятьдесят маринованным огурцом. – Он же вроде, еще до Вас жил? – он полувопросительно повернулся к аудитории и, находя в наклоненных к тарелкам головах моральную поддержку, почувствовал себя героем.

Вопрос ничуть не поколебал позиций режиссера. Более того. Он, кажется, уже много об этом думал и готов был поделиться своей радостью с окружающими.

– Браво, Петрович! Хороший вопрос. – Он задумчиво посмотрел на светящуюся огоньками люстру и просиял сам:

– Он был приишельцем!

Все ахнули и подняли взгляды от тарелок.

– Как же, как же, расскажите поподробнее! – Включился кто-то из массовки.

– Да тут и рассказывать нечего, господа.... В его распоряжении была Машина Времени. Он ее использовал и попал к нам на премьеру.... Ну а дальше вы и сами знаете, что он написал. Так-с себе-с, легкая компиляция-с....

– То есть, Викентий Григорьевич, вы хотите сказать, – подала голос главная героиня (сейчас она была без куртки, в кружевном платье и туфлях на высоком каблучке). – Вы хотите сказать, что на нашей премьере будет сам Шекспир!?

– Полагаю, да-с... – скромно потупил взор Аполлонов-Загривский и молча сел.

После только об этом и говорили. Все были крайне возбуждены вопросом; кто-то из массовки начал прихораиваться, хотя премьеры была еще далеко. Кто-то в волнении звонил по мобильнику, спеша поделиться радостной новостью. Кто-то обеспокоено ерзал и поглядывал по сторонам, словно ожидая, что Шекспир, воспользовавшись своей Машиной Времени еще раз, уже сидит здесь, среди них и, спокойно попивая красненькое, слушает про себя и посмеивается – у него, возможно, на счет им написанного было свое мнение...

Однако все вскоре устали и пошли по домам. Поднялся и Аполлонов-Загривский. Он огляделся и, слегка пожав плечом, словно сожалея о чем-то давно минувшем, но в то же время прощая это минувшее за то, что оно было, прошел в гардероб; ему тут же услужливо подали пальто. «Мерси», – автоматически ответил режиссер, все еще пребывая в какой-то полудремотной сладкой истоме от того, что он смог, наконец, сформулировать аудитории свои идеи и они, кажется, БЫЛИ ПРИНЯТЫ. Открыв массивную дверь театра, он уже приготовился вдохнуть терпкий зимний воздух. «Там, кажется, снег...», – с приятным ожиданием прохлады и свежести он шагнул за порог.

Снега не было. Не было ничего. С беспокойством Аполлонов-Загривский оглянулся вокруг. Не было НИЧЕГО! Ни неба. Не земли. Ни даже воздуха, которым он, кажется, дышал еще секунду назад... Он в страхе сунул руку в карман в надежде нащупать там телефон, одновременно обратившись назад, к дверям театра... Но тщетно: театра не было; как не было и телефона в кармане его замечательного кашемирового пальто. Более того; он понял, что и пальто исчезло и, вдруг... с отчаянной, какой-то устрашающе кристальной ясностью он осо-

знал, что и его, Викентия Григорьевича Аполлонова-Загривского... тоже, кажется, большие НЕТ!» КОНЕЦ.

Федоров, в совершеннейшем обалдении от написанного, поднял голову и огляделся по сторонам. Кругом слышались гудки. Машины пытались его объехать, но безуспешно. Своим громоздким джипом он перекрыл все движение. Какой-то водитель даже вышел из машины и, отчаянно жестикулируя, топтался у его дверей. Впереди было свободное пространство. Сзади огромная пробка. Федоров нервно ткнул передачу и тронулся. Народ забегал, занимая свои места. «Что за ерунда?» – звучало у него в голове, – «что случилось? Почему все двинулись?» Он чувствовал себя, как человек, глубоко заснувший и вдруг разбуженный неожиданно и бесцеремонно. Однако Федоров был опытным водителем и быстро вошел в режим только что проснувшегося дальнбойщика, которого напарник будил уже давно и безрезультатно и, в конце концов, сам упал на соседнее сиденье, так и не добудившись. И звук его падения послужил, наконец, последним сигналом, за которым не последовало бы уже совсем ничего хорошего для остановившейся посреди тайги груженной фуры...

Федоров снова уткнулся в хвост пробки. Мысли становились яснее. Происшедшее вспоминалось как сквозь пелену. Смутная догадка шевельнулась в его голове – он снова взял в руки компьютер и машины опять двинулись.

"Чудеса, да и только», – он никогда раньше не пытался писать за рулем. Максимум, что ему приходилось – это звонить по мобильному. Специально для этих целей он купил безлимитный тариф и теперь часами, стоя в пробках и в очередях "решал вопросы". Такого эффекта, как сейчас с компьютером, с телефоном он не наблюдал ни разу.

В этот момент он миновал место аварии, из-за которой и образовалась пробка. С некоторым удовлетворением, впрочем, смешанным с сочувствием, Федоров обнаружил на перекрестке два автомобиля. Первой была уже знакомая ему маленькая зеленая машинка с девушкой в черных очках. Вторым виновником аварии был огромный "КамАЗ", вообще непонятно как сюда попавший. Судя по тяжело обвисшему кузову, машина была нагружена под завязку. «Зеленая», видимо, пыталась повторить маневр, ранее удавшийся с Федоровым. С той только разницей, что водитель грузовика не имел никаких шансов пропустить сунувшийся ему наперез автомобиль. Он его просто не видел. Поэтому часть легковушки теперь еще существовала – слава Богу, это относилось и к кабине. Другая же часть превратилась в бесформенную лепешку, из которой шел пар. Сам водитель "КамАЗа" ошарашено чесал затылок. У его грузовика, кажется, был поцарапан бампер.

" Выхлопных газов надышалась, – констатировал Федоров. – Крыша съехала, и под "КамАЗ" бросилась". – Без дальнейших комментариев он миновал место аварии. Дальше движение было более свободным, и до дома Федоров доехал без приключений.

На самом деле, никаким писателем Федоров не был. Он работал архивариусом в большом музее и по службе писал разве что только архивные справки. Заработать этим ему удавалось хорошо, да и только. Морального удовлетворения было ноль. Потому в свободное время Федоров писал. Написанное публиковал в Интернете, но до этого доходило редко. Обычно прекрасная идея очередного произведения уже к середине начинала буксовать и вскоре, как внедорожник, угодивший в болото, некоторое время еще бурля колесами и испуская пар, оставляла после себя только пузыри. Рассказы Федорова друзьям о произведении как о чем-то, что уже пишется, кисали. Никто, впрочем, его и не спрашивал.

Его девушка Маша к этому хобби относилась скептически. Критиковала, но, все же решив однажды, что это "лучше чем по ночам в кабаках водку жрать», тему оставила и к его вечерним сидениям за компьютером относилась терпеливо.

– Ну, ты Федоров и кретин! – Маша всегда выражалась предельно ясно и лишнюю смуту не любила. Выслушав его рассказ о мистической силе компьютера, рассказанный страшным загробным голосом, она, как обычно, все поняла по-своему.

Будучи девушкой материалистического склада ума, она ни во что такое не верила, и, даже несмотря на повальное увлечение религией, не ходила в церковь. Зато она посещала аэробiku, бассейн и лекции по истории античного искусства. Зачем ей это было надо, она объясняла просто и без понтов: "Чтоб от других отличаться. На этих лекциях, бывает, кроме меня, вообще никого нет. Ну и, чтобы человеком интересным казаться и разговор поддержать, если об античном искусстве речь пойдет...» За четыре года их знакомства Федоров не мог припомнить случая, чтобы «речь пошла» об античном искусстве, но, в принципе, тоже не возражал. С «интересной» девушкой по-любому приятней.

– Ну, я не знаю, Федоров... – она посмотрела на него с некоторым недоверием. – Ты, по моему, это... опять через край. Как тогда, когда у тебя чип в носу вмонтирован был.

– Не, Машунь, тут все серьезно... Я сам сначала не поверил. Только в руку возьму, а пробки нет... Как по волшебству прямо. – Он просветленно посмотрел на Машу. – Комп с пространством что-то делает! – Он задумался и добавил тише и с полувопросительными интонациями: – или со временем? Вот интересно! Буду завтра проверять! – в голосе звучал неподдельный оптимизм.

Она его, все же, как мужчину любила, и решила не расстраивать. Постаралась даже поддержать, но получилось, как всегда:

– Ты еще, знаешь чего, на очереди в сберкассу проверь или в пригородном поезде. Если и там ускорится, то вообще класс. – Прикалывается она или говорит всерьез – было не понять.

Федоров помолчал некоторое время, решая, обидеться или нет, но, так и не придя ни к какому выводу, продолжил значительно:

– Но это, Машка, еще не все.

– Не все? – Маша посмотрела на него обеспокоено: зная характер Федорова, ожидать можно было что угодно.

– Я еще... писать начал... – он замялся. – С какой-то невероятной скоростью. И непонятно о чем. – Закончил он как-то совсем не оптимистично.

Маша непонимающе посмотрела на Федорова. Она была невысокого мнения о его писательских способностях, но, будучи девушкой умной, старалась держать свое мнение при себе. То, что он пишет медленно и почти ничего не заканчивает, она знала с его же собственных слов. Федоров периодически рассказывал, «как обстоятельно обдумывает темы произведений, как выстраивает структуру текста, как корректирует написанное по пятнадцать раз еще в процессе написания, а затем – что ему, кажется, пришла новая актуальная идея, а предыдущий рассказ подождет, не на пожар ведь торопимся». Маша отработала некий специфический лексикон для поддержания подобных разговоров («ты у меня обстоятельный», «логика – это главное», «не, пожар нам ни к чему»), и теперь сказанное Федоровым было ей не до конца понятным.

– Ты, Федоров, чего? – решила она уточнить. – В каком смысле?

– Ну... За десять минут рассказ написал! Пока в пробке стоял. И не корректировал вообще. И не продумывал. И закончил уже... – он как-то выжидающе посмотрел на Машу и добавил: – маленький правда... и ни о чем...

– Как это ни о чем? – Маша все еще не понимала, как себя повести, и тянула время.

– Ну, блин, говорю же, – Федоров начал несколько волноваться. – Ни концепции, ни структуры. Говорю тебе: ни хрена. Сам написался! – неожиданно выпалил он.

– Как сам? – Маша понимала, что надо уже прекращать задавание вопросов и переходить к советам, но не могла сообразить, что посоветовать.

– Да так! Сам! В общем, опять, похоже, с этим компьютером карманным связано. Стоит его включить – и рука сама пишет!

– Фигня какая-то, Федоров, подожди. Ты же только что сам говорил, что от него пробки рассасываются? Так что, у тебя еще и руки теперь сами от него пишут? Тебе не кажется, что многовато у тебя на нем сошлось? А что ты написал-то? – Маша, наконец, поняла, чего ей не хватает для прояснения ситуации. – Дай почитаю!

Федоров трагически встал, ушел в комнату. Некоторое время оттуда доносился звук работающего принтера, потом опять появился Федоров с листом бумаги в руке. Маша вытерла ладони о передник и присела у стола. Некоторое время стояла тишина. Затем она подняла голову и посмотрела на Федорова.

– А неплохо! Прикол... – Маша оживилась. Учитывая, что в начале разговора она определила Федорова в «кретины», поворот дела радовал. – Этот «Аполлоныч» у тебя, что, грибов, что ли, объелся? Сперва всех на измены посадил, что к ним Шекспир едет, а потом сам в Нирвану слился... – ей, кажется, действительно понравилось.

– Да нет, Машка. Каких грибов; я пока писал, сам не знал, о чем будет, говорю тебе. С компьютером этим... что-то странное со мной происходит. Только теперь, когда написано, кажется, и объяснить могу: короче, фантастики в этом рассказе на самом деле ноль... что и пугает, – последнее Федоров сказал, кажется, уже самому себе. В душе фантастику он любил. – Короче. Нет этого режиссера действительно больше. Рассказ же закончился? Там ведь даже слово «Конец» приписалось... тьфу... я написал, – поправился Федоров. – А про режиссера только в этом рассказе и написано. Вот и получается, что как только рассказ закончился, так и нет его больше... Факт.

– Ну, блин... – Маша удивилась, но ее практицизм снова взял своё, и она немедленно посоветовала: – Так ты еще один рассказ напиши про это. Почему его теперь нет. А потом рассказ о том, как ты объясняешь то, что его нет, именно так, а не иначе, а потом еще один... ну ты понимаешь. Получится целый цикл. Тематический сборник рассказов, так сказать! – она победоносно взглянула на Федорова и, очень довольная своей мыслью, пошла чистить зубы.

Федоров же спать не торопился – его продолжал мучить произошедший с ним феномен. Открыв бутылку пива и усевшись с сигаретой на унитаз (любимое место для курения), он задумался.

Всем известно, что, делая скучное, нудное дело (коим, например, является стояние в очереди и т. д.), человек буквально мучается. Он хочет ускорить время. А поскольку желание есть потенциальное действие, а любое «действие» обычно встречает противодействие, то и результат желания был прямо противоположен: время замедлялось. В физике это называется "Законом Сохранения Энергии", в буддизме «Колесом Сансары» а в быту – "Законом Подлости". Таким образом, действуя от обратного, этот механизм применим и в случае ускорения времени.

Когда Федоров брал компьютер в руки, желания менялись на диаметрально противоположные. Он желал ДОЛЬШЕ стоять в очереди; он с раздражением констатировал, что электричка подошла РАНЬШЕ. Он страстно надеялся, что пробка НЕ рассосется. Таким образом, учитывая действия вышеперечисленных законов, он получал совершенно конкретные резуль-

таты: очередь подходила мгновенно, электричка появлялась раньше, а затор на дороге исчезал на глазах. В общем, с этим было ясно.

Но как и почему Федоров, в обычной жизни едва вымучивающий из себя абзац, попав в ситуацию "перевернутого Колеса Сансары", начинал строчить как заведенный, он объяснить не мог. Вроде бы это было связано с компьютером, но теперь Федоров мог работать и дома, продолжая и редактируя начатое в машине...

Внезапно взгляд упал на компьютер. Он стоял в зарядном устройстве и жизнерадостно светился голубым светом. На экране виднелась какая-то странная заставка: большая мраморная статуя на фоне водопада, стекающего между двумя дворцовыми лесенками. Она изображала девушку в тунике, с задумчивым видом смотрящую вверх. В руках у нее была арфа. "Надо бы на Машкину фотографию поменять, – мелькнула ленивая мысль. Он даже привстал, и уже протянул руку к компьютеру, как вдруг его пронзила догадка; мурашки побежали по коже. Он отшатнулся, не в силах оторвать взгляд от картинки. – Стой! Да что же это такое? Да как же это я раньше...! Да это же! МУЗА!"

– Машка!!! – заорал Федоров, сам не свой. – Это же Муза! Это она мне канал энергетический открывает! Ну, как бы приходит, чтобы я писал! – он бросился в спальню, зная наверняка, что Маша не спит. Она любила почитать перед сном.

Маша подняла недоуменный взгляд, не совсем понимая о чем речь, но, имея привычку не спорить с Федоровым по пустякам, кивнула.

– Нет вопросов, я так и думала. Муза так Муза. Пиши дальше, – совершенно уверенным голосом посоветовала она. – Может, писателем станешь... – и снова уткнулась в глянецвый журнал.

Рассказ напечатали. Второй тоже. Скоро у него вышел сборник, а через некоторое время и первый роман. Книги быстро раскупили, и издатели просили еще. Федоров все меньше работал в архиве, много времени проводя в разъездах; обычно он с утра прослушивал по радио прогноз о наличии в городе пробок и устремлялся туда. Они с Машей поженились и жили, кажется, хорошо. Все меньше Федоров думал о произошедшей с ним метаморфозе, считая, что все объяснено.

Но он не догадывался о том, что его объяснение было весьма далеко от истины. На самом же деле, причина происшедшей с ним перемены заключалось в другом: активизировался чип, живленный инопланетянами в его нос...

ДЕВУШКА, С КОТОРОЙ НЕ ВЕЗЕТ

Жил в то время Степан в заброшенной мансарде дома десять по Пушкинской улице. Жильцов давно расселили, но денег на ремонт у государства так и не нашлось. Как говорится, «свято место пусто не бывает», и дом потихоньку стал заселяться – пустующие помещения занимали разнообразные художники, музыканты и просто «свободные творцы». Здесь они устраивали себе студии, репетиционные точки, но были и те, кто, сделав ремонт, переезжал основательно.

К этим самовольным поселенцам относился и Степан. Он обил стены фанерой, вставил в единственное окно раму и – начал жить.

Потолок был очень высокий, и Степану удалось соорудить в комнате какое-то подобие помоста. «Второй этаж, – многозначительно говорил Степан, а в разговоре не упускал случая вставить, – вот у меня квартира двухэтажная, и что? Ничего особенного...». Из-за примененных при строительстве инноваций вся конструкция слегка шаталась – как раз накануне

работ Степан посмотрел передачу о древнерусских теремах, построенных без единого гвоздя. Поэтому при конструировании было решено следовать древним заветам и гвоздей не применять. Почти. Один все-таки пришлось вбить, чтобы прикрепить «этаж» к стене.

На помосте располагались кровать, стул и усилитель. Усилитель назывался "Беринджер", а еще была гитара – "Страткастер", очень хорошая, изготовленная двадцать лет назад из редкой породы болотного клена – пористого и легкого дерева. «Круто, ваще!» – говорил Степан, рассказывая о том, как звучит его гитара. Усилитель же был куплен за приличную сумму как студийный, правда потом обнаружилось, что он излишне шумит. Но драйв получался приличный, и Степан решил его обратно в магазин не сдавать...

Сегодня сильно болела голова – вчера играли концерт и засиделись почти до утра; Степан даже не помнил, когда вернулся домой... На ощупь он достал из сумки таблетку анальгина, выпил, посмотрел на часы. Три часа дня. Немного поколебавшись, он решил позвонить Олесе, чтобы «что-нибудь придумать».

Олесей звали девушку, которая приносила неудачу. Конечно, это были очень субъективные Степины ощущения, хотя и основанные на некотором статистическом материале но: Олеся была довольно симпатичной и очень приятной в общении девушкой, и тут уж как говорил Степан – «Красота требует жертв...»

Он поднял трубку, набрал ее номер и договорился о встрече.

На свидание Степан решил идти пешком. По двум причинам. Во-первых, девушка, с которой предстояло встретиться, всегда приносила ему несчастье. Не в прямом, конечно, смысле этого слова. Это не были настоящие беды, но так получалось, что даже при одном упоминании о ней, скажем, в разговоре с приятелями, Степану начинало тотально не везти.

Вот, например, сегодня, еще только набирая Олесин номер, он не заметил лежащего на стуле кота... и, слушая гудки, со всего размаха сел на этот самый стул. Кот Василий был довольно терпеливым животным, но ведь в пределах возможного! Он с диким, сдавленным воплем вонзил когти в зад Степана, добавив для убедительности укус в ляжку.

Происшествие получилось болезненное и обидное для обоих: вскочив, Степан неудачно задел телефонный шнур. Телефон упал и развалился на две части, что, однако, не помешало Олесе услышать произнесенное в сердцах матерное слово, начинающееся на букву «б». Она замерла, было, от неожиданности, но, распознав таки голос Степана, осторожно переспросила, что он конкретно имел в виду. Степан соврал, что «на него только что напали бешеные коты, которые покусали его и скрылись в неизвестном направлении». Слово же было произнесено от расстройства и к разговору отношения не имеет.

На том и сошлись, договорившись встретиться на Владимирской и «что-нибудь предпринять». При этом размытость формулировки позволяла каждому надеяться на свое, и оставляла свободу для маневра.

В общем, принимая к сведению уже случившееся, Степан не рискнул ехать на свидание в автомобиле – его было элементарно жаль. В лучшем случае ожидалась пара проколотых колес и потерянный домкрат, в худшем – могли случиться травмы и ушибы. Не хотелось ни того, ни другого.

Еще же, Степану хотелось выпить водки. По его твердому убеждению, алкоголь – отличное средство для коммуникации. Олеся была девушка общительная, неглупая и симпатичная, но далеко не красавица.

Степан же любил красавиц. Таковых среди его знакомых не было и приходилось, как говорится, "полировать" разницу между желаемым и действительным водочкой. Почему именно водочкой, Степан и сам не мог объяснить – напиток был найден интуитивно, путем

долгих, изнурительных экспериментов. Это как химический опыт – из множества жидкостей и химикатов вдруг получается продукт, не имеющий ничего общего со своими

исходными. Скорее же всего, это было сродни алхимии, ибо эзотерический компонент имел для Степана первостепенное значение – без духовного настроя ничего не выходило. Поставленная им перед собой задача была невероятно, непереносимо сложна...

Однако, после многих лет работы подбор завершился – двести пятьдесят граммов водки плюс девушка средней наружности, соединяясь, давали искомое – получалась красавица.

По дороге Степан зашел в магазин. Среди лавчонок и закутков он выбрал один, на витрине которого виднелся требуемый напиток. Он был, так сказать, в единственном числе. Кроме как водкой, причем одного сорта – «Московской» – здесь ничем не торговали. Это Степана насторожило, но он все же зашел и спросил, хороша ли у них водка, не поддельная ли. "Нет! Что ви! Что ви! – ответил ему человек сомнительной наружности с кавказскими усами и смуглым лицом, одетый в тренировочный костюм. – Ми поддельной не торгуем!" – отрезал он.

– «Мне «Московской» тогда, ноль семь...» – начал Степан нерешительно, понимая уже, что просит невозможного – на прилавке красовались только «мальки» и поллитровые бутылки. Однако хозяин, приветливо склонив голову, произнес:

– Вах! Почему нэт? Все есть... И ноль семи, и ноль восьми... – он достал из-под прилавка пустую литровую бутылку с надписью «Гжель» и вышел в подсобку. Донеслось журчание воды. «Моет?», – как-то отстраненно подумал Степан. Продавец вернулся и торжественно выставил бутылку на прилавок. Затем он взял с витрины малек и поллитру, и, победно глядя на Степана, перелил их содержимое в литровую бутылку. Поскольку воронки у него не было, часть жидкости пролилась. Продавец сделал успокаивающий жест и снова вышел в подсобку. Опять включил кран – чтобы ополоснуть бутылку... правда, забыл надеть крышечку, она осталась лежать на прилавке... И вот, наконец, с совершенно победоносным видом продавец появился из подсобки. В руке у него сияла полная литровая бутылка:

– Вот, дарогой! Для тебя ничего не жалко!

После такого теплого приема отказать было невозможно, к тому же Степан и сам имел восточные корни: его дедушка был еврей, а мать – армянка, поэтому он, молча расплатившись, взял бутылку и, тихо прикрыв дверь, оказался на улице. Шел снег.

Итак, до встречи оставалось минут пятнадцать. Степан зашел в первую попавшуюся подворотню, достал из сумки бутылку, отвинтил крышку, выдохнул и сделал пару глотков. Затем он вытер губы, закрыл бутылку и прислушался к происходящему внутри себя. Водка была плохая, но действовала правильно – жить становилось лучше.

Уже на подходе к метро обнаружилось, что выпил мало. Ощущение красоты и полноты жизни оборвалось. Захотелось курить. Обычно это происходило не столь быстро и как-то, что ли, плавней. Решил принять еще.

«Видимо, водка паленая оказалась или воды из крана много налилось», – подумал Степан с некоторым разочарованием. Искать подворотню не имело смысла – поблизости от метро все дворы закрыты на ворота с кодовым замком, и надежды туда проникнуть практически не было. Возвращаться же не хотелось – было холодно и далеко. Он встал спиной к тротуару, как бы разглядывая что-то в витрине магазина, и осторожно нащупал в сумке бутылку. Что это был за магазин, Степан даже не заметил, так как был полностью поглощен сначала нащупыванием бутылки, а затем откручиванием у нее крышки. Завершив дело, он сделал пару торопливых

глотков. При этом большую часть расстояния до его рта бутылка проделала, все еще находясь в сумке, вынырнув оттуда только в последнюю минуту.

«Решат, что сок пью, – стыдливо подумал Степан, – может человек сок пить?» Он начал завинчивать пробку, но, видимо, криво надел и ее заклинило. Он попытался свинтить ее назад, но и это не удавалось. Тогда Степан в сердцах рванул, и пробка поддалась, но при этом выскочила из рук и провалилась в недра сумки. Степан чертыхнулся – сумка была большая, а пробка маленькая, и оба этих обстоятельства, соединяясь, делали поиски затруднительными. Без пробки водка могла выдохнуться или пролиться. Ни то, ни другое в его планы не входило.

Он с минуту подумал, потом сунул руку внутрь и принялся шарить. Ключи, зажигалка, футляр от фотоаппарата, ключи, фотоаппарат, кошелек, чехол от наушников, ключи, наушники, кошелек, зажигалка, ключи, плеер, записная книжка, футляр от фотоаппарата, ключи, кошелек, коробка анальгина, снова кошелек, опять плеер, снова ключи, записная книжка...

«Блин... Так до утра можно...» – расстроился Степан. Чуть подумал, снова достал бутылку и уже с расстройством, не особо прячась, сделал еще глоток. Посмотрел на витрину, это оказался магазин женского белья. Прямо перед Степаном красовались красные кружевные трусики внушительного размера. Снизу были затейливо раскинута по разным концам витрины черные колготки. Сверху была прикреплена ночная рубашка в кружевных рюшках телесного цвета и значительно меньшего, чем трусы и колготки размера, отчего казалось, что силуэт напоминает то ли страуса, то ли орангутанга необыкновенной величины и окраса. Завершал все это сооружение исполинского размера бюстгальтер в малиновых кружевах.

– Привет! – послышался за его спиной голос Олеси. – А что это ты тут трусы женские так долго разглядываешь? А я раньше пришла, дай, думаю, в магазин схожу, а тут ты стоишь. А что это у тебя в сумке? Бутылка какая-то...

– Сок, – пояснил Степан, на мгновение прекратив нащупывать пробку. Легализация бутылки не входила в его планы. Он рассчитывал пользоваться значочкой равномерно в течение вечера, постепенно и *незаметно* увеличивая объем, добавляя его по глотку. Он хотел казаться Олесе малопьющим молодым человеком.

– Сок? А чего ты его там прячешь и держишься за него, как будто отнимают? А чего ты там шупаешь все время в сумке? – Олеся, как уже упоминалось, была девушка общительная.

Степан перестал копаться и посмотрел на нее с некоторой досадой.

– Ну, куда пойдём-то? Хочешь, ко мне можно, у меня фильм новый есть. Комедия, – зачем-то добавил он, словно жанр фильма играл в его планах решающую роль. Степан решил пойти по максимально экономичному варианту – денег было жаль, а провести с Олесей больше чем одну ночь в его намерения не входило.

Олеся задумалась. Конечно, хотелось бы в какой-нибудь клуб сходить или, на худой конец, в театр, но ради Степана она была готова согласиться. Парень он симпатичный, хотя и излишне прижимистый, но все же, как она считала, "с перспективой". Все ее приятели делились на две категории – "с" и "без" перспективы. Встречалась она и с теми, и с другими; но кто "без", – с ними соглашалась только на что-то очень интересное: коктейлей парочку подороже, поесть в хорошем кафе – все по полной. За это – секс, но быстро и без затей. На прощанье – деньги на такси, и до следующего раза.

Степан был "с", хоть и происходило с ним постоянно что-то непонятное. В прошлый раз, когда встречались, ключи от машины в канализацию уронил, аккуратно в дырку люка попали. Так он туда в панике чуть было сам не полез, потом мужиков каких-то вызвал, денег им заплатил, а ключей не достали. "Через трубу в центральный слив смыло", – авторитетно заявили мужики, выбираясь наружу из пахнущего дерьмом люка и закуривая папиросы. А ключи эти, оказывается, у него последние были. Пришлось потом эвакуатор вызывать, половину машины разбирать – замок зажигания и сигнализацию заменять... А в позапрошлый раз в ресторан пошли. Поели уже, Степа сунулся за деньгами в карман, а там пусто. Дома кошелек забыл.

Пришлось трубку с часами в залог оставлять, домой бежать. Только зря. Когда до дома дошел, выяснилось, что дома кошелек тоже нет. Видать не забыл он его, взял, да в ресторане из кармана сперли. Пока Степан по друзьям бегал, денег занимал, ресторан закрыли, а на другой день уже смена другая, ничего, говорят, не передавали, не знаем. А когда через день нашел тех, кто залог брал, выяснилось, что все уже продано по дешевке, чтобы по счету заплатить. Решили, что Степа ноги сделал, а вещи ворованные оставил. После той встречи пропал Степан, с месяц не звонил. Потом проявился, да вот... ключи в канализацию обронил... Короче, за те два раза Олеся очень Степану сочувствовала, тем более, что во второй-то раз она даже поесть в ресторане успела. Дальше этого уже, естественно, не пошло, и она даже немножко жалела.

– О кей, пошли на твою комедию! – на самом деле она согласилась бы и на ужасы – Степан выглядел сегодня как-то особенно импозантно, загадочно. Опять же витрина эта, где он трусые женские разглядывал, ужас как интересно!

– Ну, пошли тогда до дома пешком, не замерзнешь? – Степан все еще держал одной рукой бутылку в сумке, и его движения были несколько скованы. К тому же у него начались какие-то странные ощущения, не очень похожие на обычное действие водки – начала кружиться голова, перед глазами поплыли цветные звездочки. Все как-то медленно вращалось вокруг, очертания Олеси стали чуть размытыми. «Не надо было у этих нелегалов водку покупать... Неизвестно еще, что они там набодяжили, а ну как вообще барбитурат какой-нибудь? Вот, блин, непруха...» – они двинулись вперед.

Тем временем окружающие Степана предметы продолжали медленно эволюционировать: дома стали крениться и раскачиваться, автобусы странно вытянулись в длину, и способ их передвижения изменился до неузнаваемости. Мимо Степана проезжала передняя часть автобуса, затем она удалялась от него все дальше и дальше, при этом зад автобуса еще даже не приближался. Казалось, все стало резиновым и очень инертным. Цвета вокруг сделались нестерпимо резкими, с преобладанием серебряного и белого. Все предметы словно светились изнутри, в то же время, освещая друг друга и как бы соревнуясь между собой в яркости. Степан, остановившись у сияющего желтым светом ларька с надписью «БЛИНЫ», повернулся к Олесе.

– Хочешь блин? – неожиданно для самого себя спросил он, еще не понимая, зачем он это затеял, но, уже чувствуя, что у него, кажется, зреет план.

– Да, со сгущенкой.

– Тогда стой в очереди, а я сейчас. – Он сделал Олесе уверенный знак рукой и быстро отошел за угол ларька. Там достал из сумки бутылку, сделал пару торопливых глотков – эффект, производимый напитком, начинал нравиться, и он решил продолжить эксперимент. Выпив, Степан аккуратно поместил бутылку в сумку, собираясь сделать Олесе маленький сюрприз – неожиданно появиться с другой стороны ларька. Он торопливо принялся его обходить, но не заметил торчащего из асфальта металлического штыря, запнулся об него и упал. Из-за того, что одна рука у Степана была в сумке, падение получилось болезненным. Он, кажется, вывихнул ногу и сильно ушиб локоть. Водка при этом пролилась в сумку, правда, немного еще осталось. Вышел Степан из-за угла сильно помятым, хромя, с отвисшей рукой и воняя спиртом. Олеся ела блин.

– А я тебе с мясом взяла, – она гордо вручила блин. – Здесь вкусные делают!

Степан с удивлением посмотрел на нее, но ничего не сказал. Люди вокруг тоже начали менять свои очертания, и он настороженно ждал развития событий. Съели блины, пошли дальше.

Теперь Олеся была одета в серебряный комбинезон, как у космонавтов, на голове у нее красовался шлем летчика-истребителя с яркой надписью «СССР». Она непрерывно что-то говорила; мелькали имена, даты. Иногда она цитировала кого-то и, кажется, даже читала стихи. Что она говорила конкретно, было почти не разобрать – шлем сильно заглушал слова, но Сте-

пан внимательно морщил лоб, периодически поднимал брови и кивал – умение слушать он ценил в других и по возможности развивал в себе.

Дошли до места, где он купил сегодня водку. У Степана возникла мысль.

– Постой здесь, мне к приятелю на секунду надо, лабораторную взять, – приплел он для убедительности. Быстро, чтобы Олеся не изъявила желание познакомиться с приятелем, зашел в тот самый магазин и остановился на пороге...

Это был не магазин! Это было какое-то кафе, скорее всего – пышечная. Полногрудая продавщица в водолазном скафандре грустно смотрела на Степана через толстое стекло шлема. Почему она полногрудая – скафандр не позволял рассмотреть фигуру – Степан не смог объяснить даже сам себе, но факт оставался фактом. Грусть же продавщицы Степану была понятна: ей, видимо, было очень душно; скафандр, как он знал из телевизионных передач, плохо вентилируется. Жестами – продавщица, кажется, не говорила ни на каком языке, он спросил, где магазин, который был здесь раньше, на что тоже жестами она ответила, что магазина больше нет. От дальнейших расспросов Степан воздержался. На мгновение остановившись в тамбуре дверей, он, сделав большой глоток из бутылки, вышел наружу.

Мир изменился в очередной раз. На этот раз он стал нарисованным, словно мультфильм. «Отечественный, рисованный, годов семидесятых», – отметил Степан. Олеся была теперь Чебурашкой в самом натуральном виде, она жалостливо смотрела на Степана грустными глазами и смешно поводила ушами.

– Пошли? – спросила она тонким мультяшным голосом пятилетнего ребенка – Я тебе еще про Фэн-шуй не досказала! – Степан заметил, что у него, вроде бы, вырос большой зеленый нос.

– Древние китайцы считали, что злые духи двигаются только по прямым линиям. Поэтому на китайских картинках рисовали, например, зигзагообразный мост над озером, – тараторила Олеся своим тонким голосом. – Считалось, что по такому мосту духи не пройдут! – Она многозначительно посмотрела на Степана. Тот деловито вышагивал рядом с ней, изредка переспрашивая и кивая. Его рука по-прежнему была засунута в сумку, он припадал на правую ногу, но был спокоен и деловит. Они свернули с Кузнечного переулка и шли теперь по Пушкинской улице. Нарисованные дома хоть и радовали веселыми мультипликационными цветами, но из-за плохого качества прорисовки выглядели нежилыми и заброшенными. К тому же, у некоторых не были нарисованы входные двери. Впечатление возникало сюрреалистическое: вот дом, где в окнах горит свет и висят занавесочки, только... войти в него нельзя, а так – все хорошо, живем мы хорошо, здоровье наше хорошее... Вокруг шныряли машины с нарисованными водителями и ходили люди без лиц, а многие и вовсе были нарисованы только с одной стороны – со спины, скажем! Вообще от всего этого веяло ностальгической тоской времен застоя, и Степан решил попытаться сменить тему.

– Стой! – остановил он Чебурашку на середине фразы про то, что «никогда не следует ставить кровать так, чтобы она была обращена ногами к двери...» – мне на секунду. К приятелю. Лабораторную отдать. – И он быстро заскочил в первую попавшуюся дверь. Как Степан и ожидал, лестница была не нарисована... Нисколько не смущаясь, зависнув в полной темноте без потолка и пола, Степан достал из сумки бутылку водки. С облегчением констатируя, что в ней, слава Богу, осталось еще грамм сто пятьдесят, он сделал глоток.

Выйдя из подъезда, Степан с удовлетворением отметил, что мир переменялся опять. Он стал двухмерным.

Двухмерный мир жил и существовал не хуже трехмерного. Точки сдвигались, вибрировали, какие-то тире быстро пробегали по горизонту. «Наверное, снег идет», – догадался Степан; они с Олесей представляли собой отрезки, только разной толщины и длины. Еще одно отличие – это заметил Степан уже во время ходьбы – заключалось в том, что у Олеси самый конец ее отрезка во время движения чуть загибался. «Разговаривает», – догадался Степан и тоже в ответ чуть согнул свой конец отрезка. Получилось, видимо, невпазд, отчего Олеся некоторое время двигалась вперед совершенно прямая. Потом она начала понемногу загибаться снова, и Степан, теперь уже предпочел молчать. Поскольку он не слышал ни того, что говорит Олеся, ни себя самого, то сильно опасался конфуза.

Так они шли некоторое время и, вдруг, Степан почувствовал – да, это было какое-то неожиданное озарение, пришедшее из самых глубин его подсознания – что он должен, обязательно должен сейчас выступить! Он снял с себя куртку – в отсутствие длины она оказалась просто маленькой серой точкой на его плече и, отодвинув замолчавшую Олесю, взошел на трибуну.

– Товарищи! – заговорил он голосом Владимира Ильича (фамилии у него здесь, из-за отсутствия третьего измерения, не было), – я приветствую вас на Втором съезде народных депутатов!!! – Зал грохнул овациями. Олеся, стоявшая рядом с ним на трибуне, только одной ступенькой ниже, восторженно зааплодировала. Выглядела она, как Надежда Константиновна – черная линия на ярко-малиновом фоне, подсвеченном двумя галогеновыми прожекторами. Прожекторы были китайского производства, в каждом имелось по тусклой полукиловаттной лампе, что для такого зала явно недостаточно, но люди были рады и этому – предыдущий съезд проходил в полной темноте. Прожекторы прикрутили к трибуне большими черными шурупами с прямоугольными прорезями. В мире трехмерном прорези оказались бы крестообразными.

Держа речь, Степан потихоньку осматривал притихший зал. Взгляд его задержался на двух зигзагообразных пунктирах.

«Смотри-ка, оба здесь-с: и Каменев и Зиновьев собственной персоной, в первых рядах... И этот тоже, к речи готовится, бумажки мнет; ну он-то меня поддержит – преданный грузин. Хоть и грубоват иногда».

Закончив речь, под бурные овации Степан слез с трибуны, и они с Олесей пошли дальше. Та снова начала о чем-то рассказывать, и все пошло своим чередом. Постепенно приближались к Степиному дому.

На самом подходе прояснилась причина тишины. Оказалось, что в этой проекции не существует также и времени. Поэтому все, что произошло в этом мире со Степаном, как оказалось, случилось практически мгновенно. Он нашел себя стоящим напротив своего дома по улице Пушкинской сразу же после того, как вышел из двери мультипликационного подъезда, где он последний раз пил водку. Рядом стояла Олеся.

– «Метафизика» – важнейшее сочинение Аристотеля, там он критикует идеи Платона и создал теорию общих понятий! – Она, кажется, уже давно вела эту мысль, и Степан важно кивнул.

– Олеська, постой секунду, я у приятеля ключ возьму, оставил на всякий случай, а то люков канализационных по всему городу... – Не дожидаясь ответа, он юркнул в подъезд напротив. Там достал из сумки бутылку и сделал большой глоток. Подумал и сделал еще один. Перед глазами поплыли кружочки и звездочки – жизнь возвращалась в нормальное русло. Он достал из сумки ключи и, сделав радостное лицо, вышел из подъезда. Олеси на улице не было.

«Слиняла. Загрузил – и слиняла, – самокритично решил Степан, за весь вечер не произнесший и двух слов.– Кивал много».

В этот момент рядом вдруг раздался голос Олеси:

– Вот я и говорю, название совершенно случайное, «мета» – значит после, то есть после физики. Это Аристотеля один чувак их древний издавал, так он труд этот после физики поставил, а теперь все его так и называют...

Степан недоуменно покосился на место, откуда доносился голос. Голос звучал уверенно; даже, как будто, еще увереннее, чем раньше. Видимо, ему польстило выражение повышенного внимания на лице Степана. "Невидимой стала", – догадался он, открывая дверь в парадную и как бы приглашая кого-то войти внутрь. Голос переместился в подъезд и начал удаляться вверх по лестнице. Степан двинулся следом.

*Тихо шелестит трава,
Не нужны уже слова...*

Степан проникновенным голосом пел песню собственного сочинения, изредка поглядывая на Олесю томным взглядом. Они расположились у него на «втором этаже»; он сидел на стуле, Олеся хозяйски полулежала на кровати. Особенно задушевно звучал припев :

*Никогда, никогда
Не забывай того,
Чего ни с кем не происходит...*

В припеве была трагическая безысходность момента, поражавшая своей глубиной в первую очередь самого Степана и заставлявшая слушателя, опять же по Степиной интерпретации, «задуматься о том, чего ни с кем не происходит». Как можно задуматься о том, чего не происходит, он еще не придумал, но обычно никто и не спрашивал – и так понятно. Дошли до проигрыша, и Степан на некоторое время сконцентрировался на игре. Подняв же взгляд на Олесю, он обмер. Перед ним сидела писаная красавица в стиле Мерилин Монро с огромными грудями и вьющимися белыми волосами. Одетая она была в тот самый кружевной бюстгалтер, который он наблюдал в витрине магазина, и в сногшибательные белые колготки. Больше на ней, кажется, ничего не было. Он запнулся на полуслове и, вытаращив глаза, уставился на Олесю.

Та потупила взгляд, поправила прическу и смущенно спросила:

– Ты чего?... Степа?

– Какая же ты, Олесья... – он восхищенно выдохнул. Потом сглотнул и заплетающимся языком закончил, – красавица...

Олеся еще больше смутилась – кавалеры редко говорили ей подобные комплименты, хотя о чем-то подобном она догадывалась и сама. И все ждала только, кто же окажется тем самым человеком – чутким, умным и проницательным, кто увидит суть вещей и явлений, кто догадается, наконец о том, о чем она уже давным-давно знает...

Степан же тем временем, немного пошатываясь, но, не утратив уверенности в себе, двинулся в сторону туалета.

– Щщас. – Бросил он коротко – перестановка ног занимала большую часть внимания, и он не мог вдаваться в подробности. К тому же, подвернутая ступня все еще давала о себе знать, хотя болела уже меньше и, вроде бы, прекратила распухать.

Коридор, который нужно было пройти до туалета – обычно короткий, метров пять – на этот раз удлинился до невероятности. Он представлял из себя трубу довольно большого диаметра, местами покрытую изморозью, а местами раскаленную, словно она пролежала через джунгли. Иногда ощущались явные признаки влаги с каким-то привкусом болота. Где-то пахло

морским прибором. По стенкам, на равных расстояниях друг от друга были расположены иллюминаторы, наподобие тех, что на крейсере «Аврора» – с латунными обручами и большими манерными заворотками и кронштейнами. Свет тоже менялся от яркого, летне-солнечного, до почти полной темноты; идти было тяжело – труба покачивалась.

Пару раз Степан заглянул в иллюминаторы, но ничего особенного не увидел. В одном из них зимняя пурга заметала в поле какую-то одинокую избушку; окна уютно светились, в стог сена на дворе были воткнуты вилы, рядом со стогом стояли распряженные сани. В другом окне, стоило Степану приблизиться, кто-то невидимый бил по иллюминатору хлопнушкой наподобие мухобойки. Это очень мешало смотреть дальше, но Степану показалось, что на горизонте пустыня. Он решил даже, что видит верблюда. В остальные иллюминаторы он не заглядывал, – не хотел отвлекаться от ходьбы.

Туалет выглядел совершенно обычно, без всяких глюков. Это даже отчасти разочаровало Степана: обшарпанные стены со следами потеков, желтый облезлый потолок, пол с трещинами в кафеле. Естественно – вечно текущий унитаз с деревянным стульчаком и сломанная задвижка на двери. «Никакого евростандарта» – так называл состояние туалета Степан. А знакомым говорил обычно: «Туалет у меня в стиле «джанк», в Европе сейчас модно...»

Он сел на унитаз и стал ощупывать глазами туалет в поисках сумки. Когда они с Олесей только зашли в квартиру, он заботливо припрятал ее здесь, чтобы при необходимости накатить без свидетелей. Сумка нашлась, она стояла прямо перед ним на расстоянии вытянутой руки. Степан удовлетворенно хмыкнул и протянул к ней руку. И тут случилось неожиданное. Из боков сумки вдруг высунулись серые мохнатые лапы и сумка быстро перебежала в другой угол туалета. Туалет был маленький, и, сидя на унитазе, Степан мог достать руками до любой его части, поэтому, даже не вставая, он принялся сноровисто гонять сумку по полу. Иногда ему почти удавалось ее поймать, но она в последний момент, гуттаперчиво извиваясь и царапая его когтями, все же выскакивала из рук. Степан на мгновение остановился, чтобы передохнуть. «Хорошо, дверь закрыл, а то, как ее там, потом по всей квартире ловить было бы...» – подумал он и, изловчившись, схватил сумку. Удерживая за молнию, чтобы она не скребла его лапами – когти у сумки были довольно острыми – он попытался ее открыть. Это не удавалось никак, и Степан в отчаянии от близости бутылки и от невозможности ее достать с размаху, изо всех сил швырнул сумку о дверь. От удара дверь распахнулась, и сумка, издавая какой-то шипящий звук, скрылась в катакомбах коридора.

– Чтоб тебе заблудиться там, тьфу, – плюнул ей вслед Степан, встал, наклонился, чтобы спустить воду, и замер в полусогнутом состоянии – на бачке унитаза притаилась только что убежавшая сумка.

– А-а-а... – злорадно протянул Степан, – вернулась, значит! За спиной притаилась... Ну, щас я тебя! – Он изготовился и, прыгнув на сумку, рванул ее в обе стороны со всей возможной силой. Сумка захрустела и разорвалась на две половинки, из нее посыпались ключи, документы, плеер с наушниками и телефон. Единственное, что удалось подхватить Степану буквально на лету, была недопитая бутылка. Все остальное, включая саму сумку, исчезло в таинственных недрах унитаза.

– Щас достанем, – решительно сказал Степан, – где наша не пропадала! – Он сделал два глотка из спасенной бутылки и, поставив ее аккуратно подальше, чтоб не задеть ногой ненароком, принялся сдвигать крышку бачка. Надо было перекрыть постоянно льющуюся в унитаз воду. Но только он засунул руку внутрь, как вдруг из бачка начали выползать пауки и крысы... Пауки медленно перебирали лапами, и все бы ничего, только были они размером с цыпленка и сильно пихались. Крысы дружелюбно открывали рты, в которых уже совершенно недружелюбно блестели остро отточенные зубы, более всего походившие на акульки. Правда, акул Степан никогда не видел, но все равно было страшно...

Происходящее неприятно поразило Степана, и он выдернул руку из бачка так быстро, как только мог, однако забыл выпустить из руки кран, которым пытался перекрыть воду. Кран оказался вырванным со своего привычного места вместе с куском водопроводной трубы. Вода рекой хлынула из унитаза. Похоже, своим неосторожным действием он произвел какое-то фатальное сантехническое разрушение – в общем, теперь квартире грозил потоп.

Это был настоящий водопад! Из бачка хлестала река. Пауки и крысы плавали в потоке уверенно и как будто даже умиротворенно. «Весна пришла», – было написано на их довольных физиономиях. Они плескались, лапками поддерживая друг друга, и, кажется, счастью их не было предела. Наблюдалась какая-то животная вакханалия, с одной стороны, имеющая право быть в природе, но, с другой стороны, совершенно неуместная в доме номер десять по Пушкинской улице... Тут же суетилась сумка, непонятно как воскресшая из унитаза. Она осторожно заглядывала в дверь туалета, словно просила у Степана прощение за происшедшее. Степан, впрочем, сумку прощать не хотел и пнул ее ботинком, после чего она, снова злобно шипя и быстро перебирая мохнатыми лапами, удалилась в приоткрытую дверь.

Степан на секунду задумался и схватил бутылку с недопитой водкой. «Чтобы потоком не снесло», – объяснил он себе, и застыл, с краном в одной руке и бутылкой в другой. «Надо что-то делать», – он открыл дверку за унитазом, достал оттуда разводной ключ и стал нащупывать болт. Тот, как Степан уже знал из бесконечных переговоров с сантехниками, ПЕРЕКРЫВАЛ. Что он конкретно перекрывал и зачем, Степан не представлял. Был ли этот болт на самом деле или нет, он также не знал, но, все же нащупал его в темноте, пристроил ключ и, о чудо! – вода перестала лить. Воцарилась полная тишина.

Минутку Степан просто посидел, прислонясь к стене... Но надо было идти назад. Он дернул за ручку туалета и замер от неожиданности: за дверями проходили финальные поединки за титул чемпиона Олимпийских игр. «Кажись, это сумка бегающая устроила, не надо было ее отпускать, – злобно подумал Степан, – вот кого нужно было в унитазе утопить! Утопить, а уже потом молнию открывать, а я... Живьем ее пополам разорвал... Наверное, это душа ее теперь по коридору бегаёт, покоя найти не может...»

Но надо было идти, и Степан, преодолевая барьеры и препятствия, попеременно прыгая то в длину, то в высоту, то с десятиметрового, то с пятиметрового трамплина, а в конце даже оказавшись внезапно в плавках и купальной шапочке, прыгнул с парашютом, держа в одной руке ядро для метания, а в другой – клюшку для гольфа. Естественно, что он занимал во всех видах спорта только первые места. Его везде награждали, он стоял на первой ступени пьедестала, слушая государственной гимн, его обнимали, поздравляли, рекой лилось шампанское. В конце концов, он все-таки добрался до дверей своей комнаты. Толкнул ее, зашел внутрь и...

На втором этаже, на диване сидел огромного размера, отливающий стальными бликами, чуть опущенный, словно готовый для захвата какой-то гигантской невиданной гайки – РАЗВОДНОЙ КЛЮЧ!

Олеся весело щебетала со своей подругой Танечкой, которой она совершенно случайно позвонила, как только за Степаном закрылась дверь.

– Ой, слушай, он такой милый, такой импозантный – цветы мне подарил, мы с ним почти час гуляли – и о Вольтере разговаривали и об Аристотеле, и что такое Фэн-шуй он знает, и кайтингом он меня уже позвал заниматься... Представляешь? А на переходе на нас беспризорник какой-то налетел, так он ему целую речь загнул о пролетариате, о мировой революции...

И смотрит на меня все время так, будто в первый раз видит, будто удивляется. Словно каждый раз во мне что-то новое открывает и... признался потом в чем дело – красавицей назвал! Какая ты, говорит... Красавица! Представляешь?

На этих словах открылась дверь, и в комнату вдвинулся несколько потрепанный, поцарапанный и перепачканный чем-то коричневым Степан.

Термин «вдвинулся» используется здесь потому, что иное определение разновидности человеческой походки в данном случае дать невозможно. Потому что в данном случае походка была отдельно, а человек – отдельно. Ноги, неравномерно семеня вперед-назад и временами делая окружности и вензеля, притоптывая и пошаркивая, внесли солидное, с серьезным лицом корифея научной мысли и отца русской демократии, тело Степана. Ноги подвели Степана к Олесе и задумчиво шаркнули перед лестницей, ведущей наверх. Решились. Олеса с изумлением смотрела на Степана.

«Какой серьезный! Какой интересный! И опять на меня смотрит, словно что-то новое для себя открыл. Это ничего, что музыкант, – думала Олеса. – Из музыкантов после женитьбы отличные строители получаются. А строитель – хорошая профессия, надежная!» – Олеса живо вообразила, что она уже вышла за Степана замуж, и тот сейчас уходит на стройку вуманное зимнее утро с любовно сделанным ею бутербродом в рюкзаке...

Ноги дробно поднимали тело по ступеням; дробность объяснялась тем, что каждая нога по несколько раз наступала на одну и ту же ступень. Таким образом, подъем на второй этаж напоминал сложноисполнимый танец чечетку. Туловище – особенно это было заметно к концу подъема – равномерно то поднималось, то опускалось, поглядывая многозначительно на Олесю и снова то скрывалось из вида, то выдвигалось торжественно и серьезно под стук выбивающих чечетку ног...

Наконец ноги подняли тело, и оно, как показалось Олесе, с сомнением посмотрело на нее. Она тут же поспешила развеять сомнения. У нее их уже не оставалось. Это был ОН!!!

– Ну, я пойду мыться? – нежно и застенчиво, как бы спрашивая саму себя и себе самой отвечая, спросила она.

Степан молчал, только ноги слегка покачивали его, как исполинскую башню...

«Молчание – знак согласия, – тут же решила Олеса и прытко соскочила с постели. – Я быстро, пять минут; да я уже и мытая – в бане сегодня с подружками была – вот уж не думала, что пригодится, – немножко соврала она, – сейчас...»

Умыться, однако, не удалось – кто-то перекрыл воду. Но недаром Олеса была девушка жизнерадостная и просто так, из-за какой-то воды, отступать не собиралась. Она бодро сунула в рот две пластинки жевачки, энергично пожевала и мысленно поблагодарила подруг, вытащивших ее сегодня в баню – конечно, освежиться еще не помешало бы, но как-нибудь... как-нибудь обойдемся... Она постояла еще некоторое время в коридоре, и изобразила «милое выражение лица», выработанное долгими тренировками перед зеркалом. «Особенно хорошо в профиль, – решила она. – Свое лицо сбоку она ни разу не видела, за исключением нескольких фотографий (впрочем, неудачных – фотограф плохой).

Будучи вполне в себе уверенной, Олеса распахнула дверь.

Пока Степан поднимался по лестнице, Разводного Ключа не было видно; потом тот мелькнул в поле зрения, впрочем, как-то вскользь, не страшно. Он несколько раз открылся и закрылся, словно говоря что-то Степану, но тот слышал только звуки Гимна Советского Союза. Видимо, его все еще продолжали награждать золотой медалью... Затем ключ совсем исчез, и Степан испытал минутное облегчение. Его даже не смутило, что в дверь откуда-то из коридора

проскользнула вероломная, снова восставшая из мертвых, сумка. Она, проворно перебирая волосатыми лапами, быстро пересекла пустое пространство и, словно опасаясь огня снайперов, забилась под диван. «Неверная!!!» – он погрозил кулаком спрятавшейся сумке, но настроение было настолько хорошим, что можно было простить даже ее... И тут в дверном проеме снова появился Разводной Ключ – огромный, сверкающий, великий, как памятник времен СССР и, в своем роде, прекрасный. Он был выше Степана, он был больше комнаты; да что там!!! Он был больше всех вместе взятых домов, он был вся Вселенная или даже... Степан отшатнулся от посетившего его внезапно ослепительного видения – он был несравненно огромнее, чем все Вселенные вместе взятые!!! Он обвивал их как Змий, открывший свой клюв, чтобы завернуть Вселенную, словно какую-то ничтожную гайку... Страх охватил Степана, он затравленно оглянулся по сторонам... все поплыло вокруг! Небо! Небо опустилось на его голову, осыпая снопами звезд!!!

Но это уже, впрочем, не имело значения – он провалился в небытие. Послышался грохот воды, низвергающейся с Ниагарского водопада, и Степан рухнул в Бездну, в объятия Вселенной.....

Увиденное запомнилось Олесе надолго. Степан, стоявший на помосте, как настоящий Орфей, ожидающий свою Эвридику, вдруг, при взгляде на нее, как-то странно выпучил глаза, пошатнулся и сделал шаг назад. Сзади стояла кровать. Поэтому шаг не удался, и со всего размаху Степан упал на кровать, произведя при этом нешуточный грохот. «Какой милый... озорник!» – подумала Олеся, но затем последовал ряд событий смутивших даже ее. Конструкция настилов «второго этажа» покачнулась и, медленно кренясь, пошла вниз. Степан вместе с кроватью и прочим имеющимся там оборудованием совершил падение вниз, круша на своем пути телевизор, комод и кожаный диван. Все это со страшным грохотом и под вопли кота, спрятавшегося где-то под диваном, поднимая горы пыли и древесных опилок, обрушилось вниз. Кот опрометью выскочил, спасаясь от катастрофы и, пролетев мимо застывшей в изумлении Олеси, скрылся в недрах коридора. Пыль медленно оседала. Перестала играть музыка – в усилителе зияла пробитая гитарой сквозная дыра, струны торчали во все стороны, словно иголки ежа, на которого только что напала лиса и сумела-таки его съесть, оставив несъедобное...

– Во, блин! – восхитилась Олеся. – Как любит! – Она подошла к Степану. Тот, кажется, был цел и невредим. Все падение он проделал лежа на кровати, которая падала параллельно земле и остановилась довольно удачно – одной частью на кожаном диване, а второй – на телевизоре. Сняв их до неузнаваемости, она переломилась пополам, но Степан спал сном младенца.

– Бедный, – прошептала Олеся, – натерпелся... – Ей, впрочем, надо было идти. Родители воспитывали ее в строгости, и ночевать надлежало дома. «А жаль, – подумала она, – до десяти еще далеко, успели бы. Ну, ничего, – решение приобрело твердость, – завтра сама позвоню! Пора за него всерьез браться, хороший ведь... Может, помогу чем, а то он у меня совсем несчастный какой-то...»

Она быстро оделась, на прощание заглянула в комнату – Степан безмятежно спал среди обломков мебели и аппаратуры, пыль уже осела. Еще раз нежно сказав: «Бедный мой...», Олеся прикрыла дверь и отправилась домой.

«Солнечный завтра будет день!» – подумала она жизнерадостно, выходя из парадной. Шел снег.

РУСАЛКА И СЛЕСАРЬ

Попал сюда Гера случайно и для себя абсолютно неожиданно. Все началось с того, что он рассорился со своей подругой. Причину ссоры Гера выразил кратко и лаконично, со свойственной ему категоричностью: «Сука!». Видимо, имелось в виду, что подруга Геры, с которой он жил вместе последние два года, проявила себя по отношению к нему, с мужской точки зрения, не совсем корректно.

Теперь же он сидел на парапете Васильевского острова и думал о жизни. Мысли были все сплошь плохие. От баб Гера устал, а без них не мог. Поэтому тяжелые моменты случались в его жизни с завидной периодичностью и кончались обычно на этих ступеньках. Причем, мысли, его здесь посещавшие, становились с каждым разом все тяжелее и безысходнее: теперь он даже думал, не утопиться ли ему. Такая идея приходила и в предыдущее его здесь сидение, но сейчас она как-то конкретизировалась – он оценил высоту парапета, глубину воды и скорость течения. Если учесть еще и минимальную температуру воды, то оставалось только ступить: выбраться назад или оказаться случайно спасенным шансов не оставалось.

И здесь Гера заметил в воде какое-то движение: что-то блеснуло на поверхности и снова скрылось в глубине. Он подумал было, что показалось, но нет: в воде определенно что-то было. Гере стало жутко. "Видать, до меня уже кто-то утопился", – испуганно подумал он, не в силах оторвать взгляд от воды. Там что-то еще раз булькнуло – и вдруг Гера увидел над водой женскую голову. Запрокинув к нему лицо, она, казалось, молила о помощи.

"Утопилась не до конца, живая еще", – мелькнула отстраненная мысль; спасти утопленниц в его планы не входило.

– Здравствуй, человек... – донесся из воды мелодичный голос. Звучал он спокойно, и Гера с удивлением заметил, что вдруг и сам совершенно перестал бояться.

– Здорово... – все еще не очень приветливо, но уже и без страха ответил он. – Ты кто?

– Я Русалка, – просто ответил голос и он отметил, что она, пожалуй, очень даже ничего. Бледное лицо с правильными чертами было обрамлено длинными зелеными волосами какого-то приятно мягкого, чуть бирюзового оттенка. Одетая она была в светло голубую кофточку с декольте; у нее была большая грудь и какая-то невероятно тонкая талия – остальное скрывала вода, но Гера додумал сам. "Русалка – значит, с хвостом. А жаль..." – что ему жаль, и почему, он и сам толком не понимал; просто подумалось.

– Ну и что ты там делаешь? – еще не закончив вопрос, он уже понял, что сморозил глупость. Ответ не замедлил себя ждать.

– Живу я здесь; Русалки в воде живут. А ты, там, на земле, чего делаешь?

Гера немного расстроился. Он не любил выглядеть в женских глазах невыгодно. Эта же девица, мало того, что опростоволосился – еще и издевается.

– А я здесь сижу, – попытался пошутить он, но, кажется, вышло еще глупее. Он расстроился окончательно.

– И что ты тут сидишь? – не унималась Русалка. – На холодных ступенях вредно; застудишься, потом по врачам устанешь бегать. Так бегай лучше сразу. Вместо сидения.

– Все бабы – суки! – неожиданно для самого себя вдруг выпалил Гера и вызывающе посмотрел на Русалку.

– Да что ты! – всплеснула руками она. Кажется, к бабам она себя не причисляла совершенно. – Расскажи поподробнее. Ужас как интересно. – Девица сделала круг в воде и снова замерла, с любопытством глядя на Геру.

– Да ну... – снова сник тот, вспомнив про подругу. – Потом как-нибудь...

– Не грусти! Хочешь развлечься? – Русалка плавным жестом отбросила волосы со лба, и Гера внезапно понял, что развлечься хочет, несмотря на наличие хвоста – так она была красива.

– А что за тема-то? – с любопытством спросил он, гадая, как они могут развлекаться с Русалкой, которая живет в воде.

– В гости ко мне поедешь? – она кокетливо посмотрела на Геру: он ей, видимо, нравился тоже.

– Ну, поеду... наверное... – Гера снова вспомнил, что его сюда привело и, уже более решительно, добавил: – да хоть на край света... навсегда! – окончание вышло само, но он не жалел. Категоричность была в его характере.

– Какой милый! – Русалка сделала еще один круг и вдруг щелкнула в воздухе пальцами. «Конкретная девица», – подумал Гера. Возникавшее при виде Русалки чувство было новым и очень приятным. – «И, красивая... никогда таких не видел».

Из-за угла вдруг выплыл причудливого вида баркас. Это была, по всей видимости, баржа, но понять это сразу было трудно; основным осложнением в классификации этого транспортного средства было то, что она на манер древнегреческих галер имела весельный ход. С десятков мощных весел то вздымались вверх, то с сочным плеском опускались в воду. Двигалось судно плавно, никого из гребцов не было видно. Баржа приблизилась к тому месту, где сидел Гера, и весла с одной стороны причудливо сложились. Она причалила боком к пандусу. Русалка плескалась рядом.

– Залезай! – весело прокричала она, кажется, нисколько не сомневаясь в его решительности. Гера между тем колебался: все происходило слишком быстро, а он любил в делах плавность и обстоятельность. Однако вновь вспомнилась подруга, и он решительно шагнул вперед. Через некоторое время они уже плыли по Неве в сторону Финского залива. Он расположился на носу, с интересом вглядываясь в горизонт; Русалка плыла рядом.

Прошло много лет.

Жил Гера на той самой весельной барже крайне непонятной конструкции – она вроде имела и мотор и парус, но двигалась почему-то при помощи весел. Кто ими греб, было не понятно: за все время своего здесь пребывания, Гера не видел ни одного человека. Баржа была гнилая и ржавая, но изнутри отчасти переоборудованная на европейский манер: имелся душ, туалет и гостиная со спальней. На корме располагалась ванная, в которой стояло большое джакузи. Толку в нем, правда, было мало: запасов пресной воды хватало лишь на то, чтобы с горем пополам принимать раз в неделю душ. Поэтому Гера использовал джакузи вместо бельевой корзины: складывал в него грязное белье. Раз в неделю оно таинственным образом пропадало и на следующий день появлялось снова – уже постиранным. Это Геру не удивляло: здесь происходило много непонятных и странных вещей; он относился к ним так, как люди относятся к природным явлениям: данность, которая есть такая, как она есть, и с которой поделать ничего нельзя и не нужно.

Баржа была пришвартована в большом заливе. Вокруг, далеко, но и не так, чтоб очень, стояло еще два корабля – какой-то парусник и что-то вроде рыболовецкого траулера. Они были тоже необитаемые и имели весьма потрепанный вид.

Со временем Гера полюбил Русалку еще сильнее – она казалась ему богиней. Умная, блестяще образованная и начитанная, она, казалось, знала обо всем в мире – имелся в виду конечно ее, подводный мир – у нее обо всем было свое суждение. Она состояла в свите Морского Царя, и на ней лежало множество разных обязанностей. Вечерами она уходила на работу – почти каждый день во дворце был званый ужин или бал, и Русалка по протоколу должна была там присутствовать.

День она обычно проводила в заливе – Гера всегда знал, в какой его части: на поверхности в этом месте было светлое, слегка переливающееся искрами пятно; если ему становилось скучно, он звал ее. Она подплывала к барже и тихо плескалась неподалеку, иногда выныривая из воды, чтобы поговорить. Разговоры получались тихие и неторопливо долгие. Темы бывали

самые разные – например, они любили говорить о моде и часто спорили, какая из них современнее: морская или земная; Гера был убежден, что у людей, на Земле, с одеждой дела обстоят гораздо более продвинуто и гармонично. Обосновывал он это тем, что у людей существовали ноги, которые тоже приходилось укрывать от непогоды. Чего стоили одни ступни, которым нужно конструировать обувь, что, в свою очередь, влекло за собой целую индустрию, требующую огромных ресурсов и специальных технологий. Что говорить о других частях тела... И все должно подходить друг к другу. Ничто не должно было быть упущено, забыто. Любая деталь имела решающее значение и была чрезвычайно, невыразимо важна. На слове «невыразимо» Гера становился как-то особенно серьезен, как бы подчеркивая, что тут даже и обсуждать не приходится, должно быть и без того понятно...

Русалка же возражала, что продвинутость морской моды как раз в том и заключается, что из-за скудности членов, требуемых к сокрытию, сам выбор был еще более мучителен. Имелось в виду то, что, во-первых, кроме туловища в море закрывать ничего было не нужно, да и то из соображений скорее эстетических; вопросы тепла для морских обитателей были не актуальны – их физическое строение предполагало высокую приспособляемость к природным условиям и не нуждалось в усовершенствовании. Русалка сама носила какую-то рубашку, скорее напоминающую пеньюар, и более ничего.

– Смотрите Герман, на мне одна рубашка... Представьте теперь, как много времени приходится потратить, чтобы выбрать верную... Ведь ошибки быть не может: если я выберу не так, то ВСЯ моя одежда окажется плоха... Я буду одета с головы до ног НЕПРАВИЛЬНО! Не то, что у вас: костюм хорош – галстук не очень... Это совсем, совсем другое. На этом месте она горестно вздыхала, и Гере становилось ее жаль. Но он продолжал гнуть свою линию, приплетая для надежности теорию вероятностей и прочие математические заумности. В конце же у него получалось всегда одно: у людей с модой лучше. Русалка вздыхала и больше не спорила, хотя, казалось, оставалась при своем.

Еще один из разговоров, который вошел уже у них в привычку, был разговор о Боге. У Геры здесь тоже было особое мнение: он считал, что Бога нет. Он говорил, что все, что вокруг происходит, и все, что происходит с ним и с другими людьми, все это делает он. Иногда, в особенных случаях, когда был употреблен в процессе разговора какой-нибудь горячительный напиток, он склонялся даже к тому, что никого из окружающих людей вообще нет. Что все существует лишь в его сознании. Мысль была избитая, лишенная оригинальности еще в момент своего рождения, – но Гера ее усовершенствовал. В отличие от буддизма, из которого она была почерпнута, у него она служила не средством осознания мира, пусть только в голове и существующего, а для подтверждения его, Геры, полной исключительности и гениальности. Ему нравилось, что все существует в его, Герином сознании.

Впрочем, когда речь заходила о других людях, то он впадал в благодушие и демократию. На вопрос «а где же другие живут?» – отвечал, что каждый человек, так же как Гера, живет сам по себе в своем собственном сознании. А все реальные события – это то, что человек хочет и может иметь. Единственным препятствием к гармонии, в его понимании, являлось то, что мало кто понимает, чего он хочет. На вопрос, пересекаются ли миры разных людей между собой или существуют обособленно, Гера отвечал неохотно и сам признавал, что это он еще не решил; дело в том, что при любом ответе возникали неувязки логического характера, и это делало позицию Геры уязвимой.

Русалка же, наоборот, верила в существование всего: духов, демонов, черта и Бога. Она даже верила в гномов. И это несмотря на то, что никогда не была на суше и даже представить себе не могла, что такое лесная чаща. О гномах ей рассказал Гера. Его рассказ, впрочем, был совершенно не о том: он упомянул о них в контексте того, что если верить хотя бы во что-то, то тогда уже нельзя не верить в другое, потому что вопрос веры субъективен. А если есть доверие к субъекту одной веры, то чем хуже другой? Ведь для других именно она и есть истина в

конечной инстанции, а твоя вера неверна и ничтожна; и кто прав, решает опять же не «чистый эксперимент» – к слову «эксперимент» он всегда зачем-то прибавлял слово «чистый», видимо для значимости, – а очередное субъективное суждение. И тогда можно верить даже в троллей и гномов... И тут он рассказал Русалке о жизни гномов, желая, видимо, показать самую абсурдность мысли о том, что такое может существовать. Русалка же поверила в гномов сразу и еще долго расспрашивала про их домики и одежду; особенно же она смеялась, когда узнала, что они носят цветные колпачки и спят в маленьких кроватках. Она потом к этому часто возвращалась и очень радовалась, узнав новые подробности. Гера же относился к ее расспросам снисходительно, находя в этой ситуации особенно ценной свою исключительную информированность о предмете разговора – больше рассказывать Русалке о гномах было некому.

Гера по профессии был автослесарь, и все техническое его притягивало. Он был из той породы людей, что обладают природной сообразительностью и имеют способности ко всему, за что берутся; он решил отремонтировать баржу.

Раньше на ней не было электричества. Теперь же, после нескольких дней упорного труда во тьме моторного отсека, заработал дизельный генератор. Баржа осветилась и стала какой-то по-особому праздничной: на ней, независимо от включенных рубильников и имеющейся проводки, загорелись все лампы. Исправность самих ламп тоже могла быть поставлена под сомнение, но это было и не важно. Для Геры, пропагандирующего исполнение любых желаний независимо от имеющихся возможностей, горение отсутствующей в патроне лампы, к которой, к тому же, не подведено электричество, было делом приятным – что-то вроде лишнего подтверждения его жизненной позиции.

Тихими вечерами, когда Русалка уплывала в море, Гера разговаривал с Предметами. Началось это с ним почти сразу после того, как он поселился на барже. Оставшись однажды один, он остановился на корме, залюбовавшись закатом, и тут это случилось с ним в первый раз. Заговорило крепление для каната, которое используется для швартовки.

– Добрый вечер, – как-то скорее просипело, чем проговорило крепление. – Как тебе здесь? – Гера вздрогнул. Мало того, что он не мог взять в толк, кто говорит, так еще и слова были неразборчивы. На крепление был намотан канат, и он частично заглушал речь, делая ее не очень внятной.

– Что? – вздрогнул от неожиданности Гера. – Кто? Где?

– Меня зовут Кнехт; – голос звучал слегка надменно, словно крепления для канатов разговаривают каждый день и пора бы к такому привыкнуть. – Я здесь живу и работаю. – Гера наконец определился с источником звука и подозрительно смотрел на то место, откуда он исходил. Кнехт был пухленько-основательным сооружением; его хотелось назвать упитанным – если такое выражение можно применить к железному бочонку, прикрученному к палубе огромным болтом.

– Кнехт? – переспросил задумчиво Гера, а затем выпалил неожиданное: – Вы что, еврей?

– Нет, – быстро ответило крепление. – Немец. А что? У вас проблемы? Вы националист? – Кнехт испытующе посмотрел на Геру двумя заклепками, симметрично расположенными на его крышке.

У Геры проблемы были – он считал себя немножко антисемитом. Но признаваться в этом креплению для швартовки судна не хотелось. К тому же разговаривать, даже на общие темы, с неживым предметом оказалось трудно психологически.

Однако вскоре Гера привык, и они часами могли спорить на философские темы – Кнехт оказался интересным собеседником. В нем чудным образом сочетались немецкая педантичность и русское раздолбайство; он даже в разговоре постоянно менял подтекст и стилистику.

Одним из его типичных лексических миксов было что-то типа: «Если чувак не верит в реинкарнацию, то, следовательно, он не верит ни во что. А значит, он не верит и в себя. А раз он не верит в себя, но при этом о чем-то рассуждает, значит, он просто полный мудака, которому хочется о чем-то порассуждать».

Кнехт был из поволожских немцев и сильно натерпелся от коммунистов. Еще маленьким он был отправлен работать на рудники. Погодные условия – жуть; да что там, несколько лет его вообще не красили! Он был весь изъеден ржавчиной и солью. Казалось, жизнь была окончена, и его уже никто не возьмет даже на запчасти. Но, к счастью, его переставили на рыбацкий траулер, и он верой и правдой прослужил еще два десятка лет. Потом он попал на эту баржу. Как он здесь очутился, Кнехт туманно умалчивал, но тем для разговора хватало и без того.

Возвращалась Русалка лишь за полночь, когда Гера уже спал. Встречались они снова только наутро, и затем к вечеру она опять уходила на работу. Гера не ревновал, хотя подначивал часто.

Обычно она собиралась на работу долго, меняя наряд за нарядом. Платья она надевала под водой, периодически всплывая, чтоб посоветоваться с Герой. Тому льстило внимание, и он благожелательно обсуждал.

– Русик, ты сегодня опять это жабо... Там что, дельфины приплывают? Ты для кого так наряжаешься? – спрашивал он с многозначительным видом. – Будь скромнее, не мельтеши, знай себе цену.

– Да что ты... – краснела Русалка; – мне, кроме тебя, никто не нужен... – Хотя по интонациям, да что там, и так Гера знал, что Русалке нравится быть в центре внимания и не обижался.

Она уплывала на очередной прием, а Гера снова оставался один. Вскоре он начал разговаривать и с другими предметами. Особенно часто он беседовал с двумя: первым был уже упомянутый Кнехт. Вторым оказался буй, к которому была пришвартована баржа. Буй звали Банкой. Да, в этом было некоторое противоречие родов, примерно как в слове «человек», примененном к женскому имени; но, видимо, настолько же естественным это было и в данном случае. В первый же момент Гера смешался.

Он сидел на борту, поглядывая на уплывающую Русалку и раздумывая, что бы поделать. Вдруг где-то в море, недалеко от баржи, он услышал бормотание: «...но, поскольку исповедовать чистый дарвинизм – это малореально, существуют великолепные разновидности мистического атеизма, такие как дзен, Дао, друиды и еще много всяких эстетских философских культов, дающие инструментарий познания жизни...»

Гера напрягся. За время жизни на судне он приучился разговаривать даже с пробкой от бутылки; однако все предметы его общения были на судне. Вне его – была только одна Русалка. Он все же прислушался и через некоторое время определил источник голоса – разговаривал поплавок (Гера был не силен в морских терминах), к которому была прикрепена баржа. Он был довольно большого размера, выкрашенный в яркие красно-белые полосы. Ко дну залива он был, видимо, прикреплен якорем.

– Ты кто? – с тех пор, как Гера научился разговаривать с предметами, он усвоил и определенную манеру ведения речи: с ними нужно было быть предельно конкретными и не растекаться по паркету. Субординация и соблюдение этикета волновали их постольку, поскольку. Однажды Гера пытался поспорить со сливной ручкой унитаза на тему «кто среди них главней – ручка или унитаз» – но безрезультатно. На все его резоны о том, что ручка – это часть конструкции в бачке унитаза, поступали возражения вроде: «это унитаз – приложение к ручке; ее незначительная часть, которой ручка время от времени *позволяет* слить из себя воду». Каждый предмет считал себя на барже самым главным. Если не находилось аргументации, считалось, что это так «по определению».

– Я – Банка! – неожиданно громко и напористо ответил буюк.

– Так ты тоже говорящая? Ммм... – Гера несколько терялся в определениях. – Ммм... Говорящая банка? А меня зовут Гера.

– Сам ты говорящая Гера! – Внезапно обиделся предмет. – Я мужчина! – Последнее прозвучало нелепо. "Говорящая мужчина Банка" – подумал Гера, но от комментариев воздержался, ожидая дальнейшего развития событий. Ссориться с поплавком в его планы не входило.

– Я предмет мужского рода, имею в виду. – Продолжал предмет. – А Банка, – это морской термин.

– Ну, извини, – Гера был настроен миролюбиво. Он таки недопонял, как предмет мужского рода может иметь женское название, но решил не вдаваться в детали.

– А Вы, я слышал, склоняетесь к даосизму? – он перевел разговор в более мирное русло.

– Даосизм вещь замечательная, – бурно прореагировал Банка. – Гениальная штука, но если мерить его неким градусником, то он чуть холоднее Дзена. Дзен невероятно витиеват, он предлагает тысячу ходов и вариантов осмысления этого мира, и только. Даосизм холоднее, ибо многозначителен!

– Поди ты! – уважительно прореагировал Гера. Он не понял из сказанного ничего, но Банку сильно зауважал. Тот тем временем продолжил:

– Дело в том, что если в дзеновских книгах мы имеем дело именно с текстами, которые все, в той или иной мере являются обучающими, то в «Дао дэ дзине», основном серьезном памятнике даосизма, как совершенно справедливо отмечают исследователи, мы сталкиваемся с некими каббалистическими древнекитайскими наборами...

– Вот те на! – снова поразился Гера. – С китайскими?

– С китайскими. Вот Вы, читали «Дао дэ дзин»?

– Читал. – Зачем-то соврал Гера.

– И какие вы испытали чувства? – кажется, Банка прицепился всерьез.

– Ну, интересно, типа... – Гера не очень понимал, куда врать дальше.

– Ответ неверный. – Банка обернулся вокруг своей оси. – Вы должны были испытать абсолютное отчаяние от качества своих мозгов. Вы были должны понять ущербность своего ай-кью!

– Чо? Какую ущербность? Нет у меня никакого ай-кью...

– Вот именно! – оживился Банка. – Так Вы все-таки поняли!? И правы, пусть даже так! Жестоко и самокритично: понять, что его вообще нет! Но если вы меня спросите, то я ничего не имею против христианства. – Банка благодушно бултыхнулся под проходящей волной. – Пусть живет и развивается.

– Пусть, – согласился Гера, который хоть и не верил ни во что, но не верить в родное христианство было ему как-то морально легче, чем в чужой, настораживающе далекий даосизм. – Я согласен, – подытожил он.

В общем, Банка оказался хотя и слегка занудным, но в целом весьма интересным собеседником, и они проводили много времени, обсуждая разные аспекты бытия. Гера многому от него научился и даже на следующий день, бывало, вворачивал иногда Русалке про дзен или даосизм. Чем ввергал ее в легкое смущение – видимо, она знало об этом побольше.

Однако время шло, и чем дальше, тем больше хотелось Гере глотка свободы. Он не то чтобы скучал по утерянному. Но он начал тяготиться невозможностью выбора, каким-то постоянным заточением среди одних и тех же предметов, пусть и живых. Он страстно желал хотя бы на миг выбраться в свой прежний мир.

Гера несколько раз пытался заговорить о такой возможности с Русалкой. Он хитрил: не говорил, что ему здесь надоело. Он надеялся выйти наружу хотя бы временно, посмотреть, что к чему, а уж затем составлять план бегства.

Он чувствовал благодарность к ней: ведь она почти спасла ему жизнь. Но что ж с того, что он захотел снова пожить своей прежней жизнью, снова испытать ее беды и радости? И, кто знает, может быть ...

Русалка в ответ отмалчивалась и как-то сразу грустнела. Она смотрела на Геру с каким-то сожалением, словно понимала о нем что-то большее – то, чего он и сам о себе не знал. Такой ее взгляд он не любил и переводил разговор на другое. Сомнение, однако, копилось в его душе.

Мысль о бегстве пришла Гере в голову после разговора со Шваброй. Та была хитрая бес-тия – интриганка и подковерница. Ведро, с которым она проводила большую часть рабочего времени, не разговаривало с ней уже давно. Более того, тот период, который оно с ней еще общалось, травмировало его настолько, что теперь оно вообще отказывалось идти на контакт с кем-либо, кроме Русалки. Но, поскольку та была в море, а Ведро на барже, то голоса Ведра не могли вспомнить даже старожилы. Доходило до того, что его уже даже не считали за одушевленный предмет; по крайней мере, Гера, на чье время не пришлось не единого слова Ведра, так думал. Швабра же, коварно использовав Ведро и вампирически высосав из него всю жиз-ненную силу, продолжала процветать. Она плела интриги даже сама с собой: будучи лишена контактов с окружающими предметами из-за своей чрезмерной, какой-то многослойно-экле-тической разговорчивости, сумела приспособиться вполне. Она сама на себя себе же самой и жаловалась; принимая жалобы, она себя же мариновала в своей же приемной, где она же сама стояла, с ночи занимая очередь к себе и ругая себя на чем свет стоит. В общем, в изобретатель-ности ей было не отказать, и она развлекала себя по полной, невзирая на то, что сама же была этим жутко недовольна и писала на себя во все инстанции жалобы, которые сама же приходила проверять и себя же за это наказывала.

Так вот, однажды, притуляясь к камбузу и тихо постанывая (обычный способ Швабры изображать, что она поработала и устала, хотя работа была еще только впереди), она, вдруг увидев проходящего мимо Геру, завела интересное:

– Ты, Герончик, у нас как, не удержишься?

Гера невольно остановился. Мысли о побеге уже давно терзали его. Любовь к Русалке поостыла, и однообразные будни сидения на барже начинали надоедать.

– А что? – он попытался изобразить безразличие.

– Да выглядишь ты у нас как-то нежизнерадостно, ходишь по палубе совсем смурной, с вещами, смотрю, почти разговаривать перестал. Домой, поди, хочется? – она лукаво сощури-лась и даже, кажется, подмигнула Гере.

– Хочется. – Внезапно для самого себя выпалил он. «Что ж, в конце концов, пусть она Швабра, так хоть есть с кем сокровенным поделиться...»

– Мне не то чтобы сбежать, а так, для блезиру, понять, зря я тут или как? – Гера разот-кровенничался. – Да я, может, сразу вернусь! Как-то не решил я, что ли, окончательно, когда согласился...

Швабра смотрела на него доброжелательно. Ей давно не приходилось ни с кем общаться, а уж тем более с Герой – никогда.

– Я те, вот что, мил человек, скажу. – Было не до конца понятно, играет Швабра, или действительно хочет ему помочь. Однако то, что она рассказала дальше, насторожило Геру всерьез.

– Она, когда тебя к себе взяла, слово свое перед Царем Морским нарушила. Нельзя ей с человеком якшаться. Теперь заклятие на ней. Вечное. – Швабра пошамкала беззубым ртом. – И если она тебя отпустит, или ты сам уйдешь – смерть вам обоим лютая. Вот так. – Швабра нервно прошлась по палубе, подбирая, видимо автоматически, соринки на палубе.

Гера стоял, как вкопанный. Новость его поразила.

– Так что? Совсем нет выхода? – он стоял, не зная, что предпринять.

– Выход-то? – Швабра хитро посмотрела на Геру. Затем, то ли изобразила задумчивость, то ли задумалась по настоящему. Кто её разберет...

– Есть, говорят, выход. – Она жестко сверкнула на него сощуренными глазами. – Если ты ее предашь, то останется она жива. А ты назад вернешься. Туда, откуда попал сюда. В тот самый момент, когда вы встретились. – Швабра тонко захихикала решению и, видимо, очень довольная собственной изворотливостью, победоносно застыла у двери камбуза.

– Как? – с придыханием спросил Гера. – Предать? Русалку? Но как я могу? Хотя, если для общего блага... – он на минуту задумался. – Русалка спасется... Я назад...

– Ты точно назад! – Швабре, кажется, очень нравилась затея. – Тут и не сомневайся!

Гера задумался. Он слышал от Кнехта, что вещи не могут врать. Так, поинтриговать малость, сочинить для красочности – но... тут он вспомнил одну деталь. Кнехт говорил, что если вещь *клянется*, то в ее словах не может быть лжи. Он еще тогда добавил: «Даже для Швабры». Видимо, намекая на ее склочный и вредоносный для всех характер.

– Поклянись! – внезапно для себя самого выпалил Гера.

Швабра поморщилась: предложение то ли удивило ее, то ли покорило – было не понять. Через некоторую паузу, однако, она сказала:

– Клянусь. Что если ты предашь Русалку, она останется жива, а ты вернешься в свой мир. В тот самый миг, откуда к нам попал. – И она гордо отвернулась от Геры в сторону, видимо, намекая, что разговор окончен.

Гера воспрял. Кажется, находился выход.

– А как? – уже менее решительно спросил он. – Как... предавать... – сама формулировка коробила его, но нужно было прояснить ситуацию. Швабра молчала. Пауза затянулась и Гера решил, что все это был розыгрыш и лучше отправиться спать. И тут вдруг Швабра, подернув плечами, и, видимо, сама пораженная пришедшей в голову мыслью, тихо спросила:

– А что, если ее убить? – Она посерьезнела, даже стала как-то по-женски интереснее. Видимо, вспомнила молодость: щеки покраснелись, прядка тряпчатого ворса чуть пошла вбок; – ничего личного! – Швабра затянулась сигаретой и посмотрела на Геру. – Это твой шанс. – Твердо закончила она.

Гера опешил. Русалка все ещё казалась ему богиней, пришедшей... чтобы спасти...

– А ты что, сердешный, – в голосе Швабры прорезались профессиональные нотки прорицательницы. – Решил, что она Богиня Морская? – Она сделала хорошо выдержанную паузу, всем своим видом показывая, что знает, что попала в точку.

– Ну... – Гера не знал, что ответить. – Типа... – слова шли из горла неохотно, однако Швабра была единственной, кто вообще заговорил с ним на эту тему. – А что? Нет? – он сам испугался своего вопроса.

Швабра молчала. Гера, потупясь, поднялся. И, не глядя на нее, поплелся в душ.

С той поры прошло много времени. Русалка приходила, как обычно, под утро, весело щебеча о вчерашнем приеме. Рассказывала о Золотой Рыбке. О том, как она выглядела, и что вчера на ней было надето. Иногда упоминала и о Царе Морском. Выходило у нее весело.

Хотя стало и в ее характере все больше проявляться что-то грустное. Как будто знала она про них с Герой что-то такое, чего и знать, возможно, не следовало. И становилось ей от этого знания непереносимо трудно.

Гера же последнее время все больше общался со Шваброй; из-за этого характер у него стал меняться: он стал скрытен и подозрителен. Однажды он вспомнил вдруг, что при последнем разговоре его со Шваброй недалеко стояло Ведро. Из-за того, что оно всегда молчало, это было упущено и теперь, по прошествии времени Гера вдруг вспомнил о разговоре. Оно стало опасным свидетелем. Он так перепугался, что сначала не знал, что сделать. Затем нашел Ведро, и ночью, тайно, засунул его на дно машинного отделения. Потом же, сообразив, что Ведро может проговориться об услышанном мотору, вытащил его и закопал в пожарный ящик с песком и теперь, каждый раз проходя мимо, подозрительно оглядывал ящик – не откапывается ли потихоньку Ведро. Швабре же, ищущей Ведро для работы, нагло соврал, что оно понадобилось для каких-то хозяйственных нужд Русалке, и та забрала его в море, да так и забыла.

Швабра, не долго печалась об утере Ведра, гнула свою линию: при всяком случае старалась навести Геру на тему его несвободы; старалась уколоть побольней. Апеллируя к его мужским чувствам, то называла его приживалом и жиголо, то, картинно стелая, не забывая повторять, что он «бедный, несчастный, обманутый мальчик, которого теперь только жаль, жаль, жаль...» Обычно в этом месте слеза падала на ее белесую щетку, и она потерянно уходила в трюм, как бы с трудом передвигаясь от накотившего к Гере сострадания...

И Гера решил Русалку убить.

Он долго готовился к этому, обмотал весло тряпкой, «чтоб не больно было», заготовил трос, которым собирался пристегнуть себя к палубе, чтобы выбраться назад...

И, однажды, когда Русалка приплыла к нему, чтобы рассказать очередную историю, взял весло и бросился в мутную воду. Он не чувствовал ничего, не понимал толком, что происходит и не видел ничего под водой; он, собственно, не надеялся на удачу – но что-то мистическое было, видимо, в его поступке. Возможно, поступок был так страшен своей необоснованностью и вероломством по отношению к любящей его Русалке, что она даже пальцем не смогла двинуть, чтобы ему помешать. Все произошло в мгновение ока. Гера ощутил под водой, что Русалка рядом, размахнулся и изо всех сил ударил ее по голове веслом. Он не чувствовал и не видел глазами практического своего действия, но что-то мгновенно изменилось: поднялся сперва тихий, а потом усиливающийся холодный ветер, по морю пошла рябь; баржа, до того гордо задиравшая нос и, несмотря на свою ветхость, все еще выглядящая бравурно, вдруг завалилась на корму и начала быстро погружаться в воду; вокруг нее плавали какие-то мелкие предметы – журнальный столик, за которым Гера обычно завтракал на палубе в солнечную погоду, мусорные пакеты, приготовленные к выбрасыванию, да так и забытые на корме; снасти, невесть откуда здесь взявшиеся и теперь раздувающиеся огромным пузырем, словно стремясь напоследок поймать побольше рыбы.

Сам Гера уже не плавал в воде, он словно оказался внутри спасательного круга – он спокойно дышал и не прилагал никаких усилий, чтобы держаться на поверхности. Что-то, однако, снова изменилось в окружающем ландшафте. Ближайший к нему траулер вдруг ожил – на его корме забегали матросы, отдавая какие-то команды. Завелся двигатель, из трубы повалил пар. Стоящий неподалеку парусник тоже, к великому удивлению Геры, не видевшего никогда ни на одном из окружающих его кораблей человека, тоже пришел в движение. Кто-то сноровисто полез на покосившуюся мачту. Мачта выпрямилась, и там оказался свернутый парус, аккуратно перетянутый веревками, завязанными морскими узлами.

В это время стало происходить непонятное – баржа, уже почти затонувшая и не подававшая более никаких надежд к жизни, вдруг начала всплывать. Она медленно, но верно поднималась над поверхностью, ее корпус утратил теперь следы ржавчины и оказался окрашен в аккуратный черный цвет. На борту оказалась белая надпись: «Гера».

Всё пришло в движение – у шхуны раздулся парус, на мачте затрепетал разноцветный стяг, и она тронулась. Траулер, издав короткий гудок и выбрасывая из трубы клубы дыма, тоже поплыл.

Наибольшая метаморфоза, пожалуй, произошла с баржой. Из недр ее появилось с дюжину весел огромного размера, которые пришли в движение и она, на манер греческих галер, тоже двинулась в направлении выхода из залива. Сам Гера словно оказался на водном мотоцикле. Он двигался быстро и маневренно, при этом ощущая себя частично над водой. Самого мотоцикла он, впрочем, не видел, но ощущал себя именно так. Суда продвинулись уже довольно далеко, и он кинулся их догонять. Внезапно откуда-то появился автобус ЛУАЗ – транспортное средство средних размеров, человек на двадцать вместимостью. На вид он был совсем старый, но двигался быстро, скользя по воде, словно по асфальту. Гере даже пришлось применить смелый маневр, чтобы объехать его справа – автобус чуть не притер его к берегу. Он, наконец, догнал удаляющуюся флотилию и стал лавировать между кораблями. Это ему нравилось; у него было чувство, что он может занять место на любом из кораблей; но время еще не пришло, а он не торопился. Первым шел парусник, за ним, оставляя в небе тонкий шлейф, ровно стуча мотором, следовал траулер. Дальше шла баржа, более напоминающая теперь галеру. Замыкал шествие автобусик с синей полосой на борту. Над лобовым стеклом водитель воткнул какие-то разноцветные вымпелы, отчего казалось, что автобус улыбается веселой зубастой пастью; за окнами виднелись веселые лица детей дошкольного возраста – дети были радостными, махали флажками и распевали хором.

Гера, уже выбираясь из залива, на мгновение обернулся; что-то защемило в его груди, но он тряхнул головой и отвернулся. «С прошлым надо расставаться легко», – всплыла у него в голове знакомая фраза, и он двинулся было дальше.

Но тут произошло необъяснимое – все вокруг исказилось, словно стало отражением каких-то кривых зеркал. Парус у шхуны сдулся, мачта его стала крениться; матросы сначала подняли переполох, но потом будто поняли что-то, и более ни звука не доносилось с корабля. У буксира перестал идти дым из трубы, и он, безнадежно наклонившись, совсем прекратил движение; у автобуса, кажется, лопнуло колесо – он все еще пытался ехать, но сдувшаяся шина не давала разогнаться. Лица детей потускнели и затем словно стерлись из его окон. В конце концов, от раскаленной крыши повалил дым, запахло гарью. Он остановился. У баржи начали ломаться весла. Вскоре от них остались одни обрубки, беспомощно болтающиеся в воздухе – она так же встала и даже, кажется, попятилась назад, потеряв всякую ориентацию в пространстве.

Сам Гера вдруг почувствовал, что вода перестает ему быть надежной опорой – он стал медленно погружаться в нее, и, не понимая, что происходит, еще пытался изображать движение; однако безуспешно. Все подернулось какой-то туманной дымкой и стало все сильнее искажаться. С ужасом наблюдал Гера за медленно пропадающими предметами, с каждой секундой он погружался все глубже, вода становилась все холоднее и холоднее. Обессиленный, пытаясь грести немеющими руками и, даже не понимая, куда плыть – вокруг сгущалась темнота, – он, уже глотая ртом ледяную воду, вдруг поднял лицо вверх и увидел над собой ступени парапета Васильевского острова, с которого он только что прыгнул в Неву...

$$\Phi = h00c * c$$

Электрон, Нейтрино и Кварк возвращались после вечеринки домой. Настроение было приподнятым – повеселились на славу. Праздновали открытие "Клуба элементарных частиц" на ядре Плутона, впечатлений было хоть отбавляй.

Электрон кипятился больше всех. Ему вчера особенно повезло: пока он вращался вокруг ядра, выписывая витиеватые орбиты и кренделя, ему удалось познакомиться с симпатичной элементарной частицей. Они лихо отплясывали до утра и при расставании обменялись телефонами, договорившись "неприменно созвониться". Созвониться Электрон планировал уже сегодня, чтобы, как он выражался, "не тянуть" и "ковать железо пока горячо".

Кварк же, будучи частицей и без того странной, постоянно меняющей свой цвет и даже запах, раздобыл на вечеринке силовое поле и всю ночь плющился в нем вместе с приبلудившимся Фотоном. Фотон, естественно, ловил кайф на халяву. Это была одна из странностей Кварка: он был абсолютно равнодушен к энергии и всегда генерировал её за свой счет. Что, впрочем, мало кого удивляло – все знали, что у него богатые родители.

Замыкавшее троицу Нейтрино было голубым и не употребляло наркотиков. Однако его настроение в этот вечер было, пожалуй, самым приподнятым: вчера на ускорителе Кембриджского университета был проведен эпохальный опыт, в результате которого явилось определение массы Нейтрино! Эксперимент, безусловно, требовал повторения и проверки; но первые цифры уже были получены, и теперь Нейтрино получило вполне конкретное понимание о том, сколько оно весит. Этот факт имел для него решающее значение – вес позволял осознать себя! Раньше Нейтрино, мучаясь в неизвестности ночи напролет, воображало себя то огромным как Солнце, то почти несуществующе малым... Иногда, после облучения торсионными полями его заносило вплоть до того, что "...оно, очень может быть, больше Вселенной... или, возможно, даже больше самого себя!" Как можно быть больше самого большого – не разъяснялось...

На следующий день после таких выступлений, напившись тохионнов от головной боли и впадая по любому поводу в депрессию, Нейтрино рассказывало уже всем, какое оно маленькое и несчастное и как страдает от своей ничтожной величины; "Тогда – мрачно бубнило оно себе под нос, – возможно есть кто-нибудь еще меньше... но возможно ли это – быть меньше того, что не существует?! Этим Нейтрино пыталось всех убедить, что его, может быть, и вовсе нет. Такое случается сплошь и рядом: вот, например, хронон – частица с точки зрения материи не существующая. Накапливая время, она ничего не весит и не может быть зафиксирована при помощи опытов... Хотя в отношении Нейтрино это было явно "через край". Несмотря на неопределенность веса, его природа была вполне материальна.

В такие дни Электрон и Кварк старались избегать орбиты Нейтрино, вращаясь с другими частицами. Но, к счастью, периоды метаний длились недолго и уже скоро друзья снова тусили вместе...

Теперь же все переменялось. Как выяснили вчера ученые – Нейтрино все же имело вес. Это было, конечно, далеко не Солнце, однако и ни "ничто". Получалось, что нейтрино все-таки "есть". Это друзей радовало; конечно, дружить с несуществующей элементарной частицей было бы престижно, но и тревожно: если ты дружишь с тем кого "нет", то как бы и тебя тоже... может быть...

Однако сейчас все сомнения отпали, и друзья решили отметить событие. В этот момент их траектория как раз пролегла мимо средней величины ядра. Элемент выглядел достаточно стабильным, и вскоре они оказались у него на орбите.

Место выглядело приятным: неоновые трассирующие следы нейтронов и протонов окружали их своим сиянием; от самого ядра, казавшегося теперь огромным, исходило мягкое голубоватое сияние. Пространство казалось замкнутым, несмотря на то, что движение не прекра-

щалось: силовые поля создавали иллюзию стен. Друзья пристроились к протону-бармену и заказали по сто. Рентген облучал тихо и неторопливо, атмосфера располагала к разговорам.

– Так что, говорят, ты весишь теперь? Как все нормальные частицы? – Спросил Электрон, желая сделать Нейтрино приятное. – На сколько потянуло-то?

– От 14 до 46 Электронвольт, в зависимости от скорости. – Важно сообщило Нейтрино, принимая от бармена стакан; – но это ещё не точно. Будем уточняться. – Последнее прозвучало трогательно – чувствовалось, что Нейтрино причисляет себя к исследователям; оно как бы вместе с ними болеет за успех предприятия, и готово всячески содействовать.

– А откуда известно, что эксперимент был? – Кварк медленно мерцал голубым светом и от этого почти сливался с поверхностью ядра. Смотрелся он импозантно, хотя после вчерашнего был еще изрядно приплюснен...

– Он рассказал, – благодарно кивнуло Нейтрино в сторону Электрона. Тот был известным в мире элементарных частиц экстрасенсом и даже написал несколько эзотерических книг.

– Во дает! – удивился Кварк. – А я думал ты только судьбу предсказать можешь или там, порчу снять... И как это тебе удастся-то?

– Вдохновение находит! – выпив, Электрон становился изрядно самоуверен. – Гениальным становлюсь! – Кварк поперхнулся. – Я ВИЖУ! – сидящие за соседним столиком элементарные частицы стали на них оглядываться. – Передо мною плывут картины Мира... – Электрон патетически повел перед собой правой рукой; в левой у него была зажата сигарета.

– И... Что же ты видишь? – осторожно вставил Кварк. – В смысле, что перед тобой начинает плыть?

– Все! – Безапелляционно ответил Электрон и затаился. – Сигареты на этом Ядре дрянь. – Добавил он безо всякой связи.

Кварк, у которого, похоже, перемешалось вчерашнее силовое поле с сегодняшним пивом, от непонятого замечания Электрона пришел в неожиданную, даже для него самого, ажиотацию:

– Это в каком смысле? – он подозвал официанта и, распрямив два пальца помахал ими в воздухе. Нейтрино тоже неожиданно оживилось и закивало разговору, при этом, не спуская с Кварка радостного взгляда; тот распрямил третий палец. Официант ушел.

– Что же вы, позвольте спросить, видите? Конкретно? Или так, для красного словца употребили? – Кварк провел ладонью по лбу – лица вокруг него поплыли, стены начали кривиться и исчезать.

– Я вижу людей! – Неожиданно жестко и патетически воскликнул Электрон. Последний вопрос, кажется, его совершенно не задел, а только раззадорил: – Как они живут, например, думают и... – Тут он испытующе посмотрел на друзей, словно не зная, доверять ли тайну; но все же закончил: – и как они нас открывают!

– Это, это, как меня открыли, – зашебетало вдруг заинтересованно Нейтрино. – Это как меня измерили? Да?

– Да! – то ли икнул, то ли подтвердил Электрон.

Подлетел бармен. Вытер стол, убрал пустую посуду. На всякий случай улыбнулся.

– А что это за люди такие? – рассеянно спросил Кварк. Он все еще был как в тумане. – Это чё? – Закончил он вдруг неожиданно лаконично.

– Люди – это существа. Существа, состоящие в основном из воды! Из H₂O по нашему.

– Из воды? – удивился Кварк, даже, казалось, протрезвевший от неожиданного сообщения.

– Ну да, – отреагировал Электрон с готовностью; он ожидал этого вопроса. – На 80 процентов. – Там еще минералы какие-то примешаны, органика для кучи. Но это все не при чем, я их вижу в основном как жидкость. Чуть плотнее, чем воздух. Ну да, – Электрон полупри-

крыл глаза, словно обозревая что-то ему одному доступное. – Живая вода, которая открывает вокруг себя мир!

– А зачем? – удивился Кварк

– А я знаю, знаю! – неожиданно включилось Нейтрино. – Вода открывает мир, чтобы мир знал, что он есть. – Оно даже подскочило от радости – Чтобы я знал, что я есть! Вот как со мной, – оно, казалось, торопилось донести до приятелей мысль: – Вот, я не знало, сколько я вешу, и мучалось! Ведь получалось, что как бы уверенности не было, что я вообще есть! Существою, то есть... То есть, выходило, что я как бы это сказать... – не существую! А теперь – сомнениям конец! – Нейтрино, казалось, сейчас пуститься в пляс.

– Мда, – задумался Кварк. – Получается, что эта вода... люди, то есть, – для того существуют, чтобы был мир? Получается, что если они про что-то не знают, то этого, вроде, нет?

– Получается, – Электрон патетически поднял указательный палец, – тут же подлетел бармен, понявший этот знак по-своему. – Электрон досадливо согнул палец назад.

– Так, значит, мы существуем, пока они о нас думают, и начало нашего существования определяется моментом, в который нас открыли люди?

– Точно! – пропищало Нейтрино

– Так значит... Кварк, кажется, и сам испугался, куда его занесло; – выходит они нас СОТВОРИЛИ!? Но как? Как и для чего они нас создали?

– Они придумали закон, формулу, которая описывает движение элементарных частиц. После чего стало возможным нас измерить; что они и не преминули сделать с определенными для нас последствиями: мы начали существовать. Они сотворили мир. Создали, так сказать, из физического вакуума. Из ничего.

Все замолчали. Сообщение о том, что мир создала вода, несколько тревожило. Первым нарушил молчание Кварк.

– А как же тогда с Нинкой? – Кварк торжествующе указал сложенной лодочкой рукой на Нейтрино; "Нинка" – это была ее кличка, применявшаяся в особых случаях: когда напивались все.

– Ее же, ты сам говорил, только вчера открыли! А она с нами давным-давно...

В это время включили музыку: началась дискотека.

– Ну, блин, стараясь перекричать громкоговоритель, заорал Электрон; ничего-то вы не поняли! – Он с досадой бросил зажигалку на стол; – вчера только ее вес измерили; а открыли – да-а-авно-о-о!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.